

Орион

Бен Бова

Орион

Бова Б.

Орион / Б. Бова — — (Орион)

Главный герой романа – Орион – послан богом Света Ормуздом победить Аримана – повелителя Тьмы. Противники сражаются то среди диких племен, то в пламени ядерного реактора, то в водах потопа. Орион гибнет, но каждый раз рождается для новой борьбы со злом.

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	9
3	13
4	18
5	24
6	28
7	34
8	40
Интерлюдия	43
Часть вторая	48
9	48
10	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Бен Бова

Орион

Неподражаемому Альфреду Бестеру

Часть первая

Феникс

1

Я не супермен.

У меня есть способности, которые лежат далеко за пределами возможностей любого другого ординарного мужчины, но я такой же человек и столь же смертен, как и любой из них.

Вероятно, источник моих способностей следует искать в особенностях моей нервной системы, но утверждать это наверняка я, конечно, не могу. Я имею возможность полностью контролировать свое тело и заставлять любую его часть почти мгновенно исполнять приказы головного мозга.

В прошлом году я научился играть на фортепьяно в течение всего двух часов. Мой учитель, тихий седовласый человек, так и не поверил, что до того дня я никогда не прикасался к клавишам. Чуть раньше в том же году я ошеломил мастера тайквандо тем, что в течение недели в совершенстве постиг искусство, изучению которого он посвятил всю свою жизнь, затратив на это немалые усилия. Ему стоило неимоверного труда сохранить свою обычную невозмутимость и вежливость, но было совершенно очевидно, что он вне себя от осознания этого простого факта и посему испытывает чувство глубочайшего унижения. После этого мне не оставалось ничего иного, как покинуть его школу.

Остается только удивляться, что мои возможности все еще продолжают приумножаться. Я всегда обладал способностью контролировать свое дыхание и ритм биения моего сердца. Когда-то я наивно полагал, что на это способен любой человек, пока не прочел книгу о йогах и их якобы «мистических» способностях. Лично для меня все их трюки всегда были не более чем детской игрой...

Два месяца назад я зашел перекусить в один из ресторанчиков в центре Манхэттена. Я люблю одиночество и предпочитаю обедать попозже, дабы не оказаться среди шумной людской толпы. Было что-то около трех часов дня, и ресторан оказался почти пуст. Несколько пар сидело за отдельными столиками, негромко переговариваясь между собой. Двое пожилых туристов недоверчиво изучали французское меню, подозрительно косясь на названия незнакомых блюд. Еще одна парочка любовников сидела у задней стены помещения, взявшись за руки и каждые несколько секунд с опаской поглядывая на входную дверь. Одинокая молодая женщина занимала отдельный столик недалеко от меня. Она показалась мне на редкость красивой. Темные вьющиеся волосы падали на ее плечи, а классические черты лица выдавали в ней профессиональную фотомодел.

Случайно она посмотрела в мою сторону, и ее холодный равнодушный взгляд, казалось, проник в самые сокровенные тайники моей души. Можно было подумать, что ее большие серые, как приполярные моря, глаза таили в себе все знание мира. Внезапно я почувствовал себя не просто холостым, а очень одиноким человеком. Словно сраженный на месте молоко-сос, я ощутил настойчивое желание немедленно подойти к ее столику и завязать знакомство.

Отведя от меня свой взор, она посмотрела в сторону двери. Невольно я взглянул в том же направлении и заметил на пороге на удивление красивого мужчину неопределенного возраста. С равным основанием ему можно было дать и тридцать и пятьдесят лет. Его волевое лицо обрамляли роскошные золотые волосы. Постояв пару секунд у двери, он направился к стойке бара и уселся у зашторенного окна. И хотя незнакомец был одет в серый костюм весьма консервативного покроя, выглядел он скорее как кинозвезда или олимпийский небожитель, нежели как преуспевающий манхэттенский бизнесмен, выбравший этот час для раннего коктейля.

Моя сероглазая красотка, словно зачарованная, не сводила с него глаз. Казалось, даже в зале ресторана стало светлее от сияния, исходявшего от его волос. Человек определенно излучал своеобразную ауру, способную подействовать на кого угодно. Полузабытое воспоминание шевельнулось у меня в голове. Я подсознательно почувствовал, что уже встречал этого человека и, возможно, даже знал его много лет назад. Но сколько я ни пытался, мне никак не удавалось припомнить, где, когда и при каких обстоятельствах это могло произойти.

Я украдкой бросил взгляд на молодую женщину. С видимым усилием она оторвала свой взгляд от златоволосого мужчины и обратила его в мою сторону. На ее губах заиграла слабая улыбка, что с некоторой натяжкой могло быть истолковано как приглашение к знакомству. Но тут дверь ресторана снова открылась и привлекла внимание темноволосой красавицы.

Новый посетитель не стал задерживаться на пороге и, прямым ходом направившись к бару, уселся на стул спиной к зашторенному окну. Если первый мужчина выглядел как случайно опустившийся на Землю златокудлый ангел, то вновь прибывший вполне мог сойти за выходца из преисподней. Тяжелое, мрачное лицо под шапкой иссиня-черных волос было под стать сильному, мускулистому телу. Темные глаза гневно сверкали из-под густых, мохнатых бровей. Тяжелым басом он обратился к бармену и заказал себе бренди.

Я допил свой кофе и решил: самое разумное, что я могу сделать, – это поскорее расплатиться, а по пути к выходу немного задержаться у столика моей модели и поболтать с ней. Я попытался отыскать глазами своего официанта среди его коллег, торчавших у двери на кухню в глубине зала и болтавших между собой на странном жаргоне, состоявшем из причудливой смеси французских и итальянских слов. Это обстоятельство и спасло мне жизнь.

Маленький лысый человек в черном пальто неожиданно выскочил из двери кухни и швырнул в зал черный яйцевидный предмет. Даже неспециалист легко угадал бы – это ручная граната. Я отчетливо помню каждую деталь того эпизода, словно наблюдал его при замедленной съемке. Сейчас я отдаю себе отчет, что в тот момент все мои рефлексы сработали с невероятной даже для меня скоростью. Я заметил, как человек проворно нырнул обратно в кухню, а официанты, застигнутые врасплох, застыли на месте, словно пораженные громом. Большинство же присутствующих просто не обратили на него внимания, даже не подозревая, что находятся на волосок от гибели. Моя же молодая красавица сидела спиной к гранате и вовсе не могла ее видеть. Бармен с расширенными от ужаса глазами наблюдал, как смертоносный предмет упал на пол и покатился по ковру менее чем в пяти футах от меня.

Я издал предостерегающий возглас и рванулся вперед, опрокидывая оказавшиеся на моем пути столики, намереваясь защитить молодую девушку, оказавшуюся в опасной близости от предполагаемого места взрыва.

Слава Богу, я успел вовремя. Мы одновременно грохнулись на пол, причем, естественно, я оказался сверху. Звон разбивающихся тарелок и бокалов утонул в грохоте взрыва, подобно вспышке молнии осветившего помещение. Дальше начался сплошной ад. Ресторан наполнился криками пострадавших и просто перепуганных людей, дымом загоревшейся ткани и едким запахом взрывчатки.

Как ни удивительно, но я не получил ни единой царапины. Стол, за которым несколько секунд назад сидела молодая девушка, обратился в щепки, а стена позади нас покрылась выбоинами от многочисленных осколков. Над нами висело облако дыма. Я опустил на колени

рядом с потерявшей сознание девушкой. На ее лбу красовалась огромная ссадина, но в остальном она практически не пострадала. Я обернулся и сквозь клубы дыма бросил взгляд на прочих моих товарищей по несчастью. Большинству повезло куда меньше, чем нам. Одни, истекая кровью, лежали на полу; другие, отброшенные взрывной волной, жались к стенам. Со всех сторон доносились стоны и призывы о помощи, одна женщина истерически рыдала.

Я взял молодую фотомоделю на руки и вынес ее на улицу, затем вернулся в помещение и помог выбраться наружу еще одной паре. В тот момент, когда я укладывал их на тротуар среди многочисленных осколков стекла выбитой взрывом витрины, рядом раздался вой сирены и на месте происшествия появились машины полиции, пожарных и «скорой помощи». Передав дело в руки профессионалов, я отошел в сторону.

Люди, сидевшие у стойки бара, исчезли без следа. Оба, и златокудрый и темноволосый, мужчины, похоже, удалились в самый момент взрыва. По крайней мере их не оказалось на месте, когда я первый раз поднялся с пола. Мертвый бармен был практически перерезан пополам осколками, но его клиенты словно растворились в воздухе.

Когда пожарные справились с огнем, полицейские вынесли из ресторана четверых погибших и уложили их тела на асфальт, прикрыв одеялами. Врачи прямо на месте оказывали помощь раненым. Все еще не пришедшую в сознание девушку унесли на носилках. Прибыло еще несколько машин «скорой помощи». Толпа, успевшая собраться на месте взрыва, возбужденно гудела.

– Проклятые уроды из ИРА,¹ – проворчал один из копов.

– Господи помилуй! Неужели они ухитрились добраться даже сюда? – удивился второй.

– Может быть, это и пуэрториканцы, – предположил третий представитель закона вибрирующим от гнева голосом.

– Или сербохорваты. Помнишь, как они попытались подложить бомбу под статую Свободы?

Полицейские задали мне несколько вопросов, после чего передали в руки врачей для профилактического осмотра.

– А вы счастливчик, мистер, – заключил один из медиков, закончив беглое обследование. – У вас даже прическа не пострадала.

Счастливчик? Я ощущал себя совершенно окоченевшим, словно все мое тело было погружено в густой, промозглый туман. Я мог видеть, двигаться, дышать и думать. Но я не мог чувствовать. Я предпочел бы испытывать гнев, горе, на худой конец страх. Но я был холоден, как глупая корова, которая смотрит на мир безмятежными, ничего не выражающими глазами. Я подумал о молодой женщине, которую только что на моих глазах увезли в больницу. Что заставило меня попытаться спасти ее? Кто устроил этот идиотский взрыв? Пытались ли неизвестные террористы убить ее? Или одного из мужчин у стойки бара? Или, наконец, меня?

Как всегда с завидной оперативностью появились два фургона телевидения, и репортеры рассыпались по улице, чтобы взять интервью у капитана полиции и свидетелей происшествия. Другие лихорадочно устанавливали переносные телевизионные камеры. Одна из журналисток, неприятная остроносая женщина с гнусавым голосом, в течение нескольких минут пыталась узнать мое мнение о случившемся. Я автоматически отвечал на ее вопросы, не пытаясь даже бороться с охватившим меня оцепенением.

Когда полицейские позволили мне удалиться, я с трудом пробрался сквозь взбудораженную толпу и прошел три квартала пешком до своего офиса. Мне не хотелось ни с кем разговаривать о недавнем взрыве, и я сразу прошел в свой маленький кабинет и захлопнул за собой дверь.

¹ ИРА – Ирландская республиканская армия

Вплоть до самого вечера я сидел за столом, размышляя, кому понадобилось бросать гранату и каким, собственно, образом мне удалось избежать верной гибели. Эти размышления заставили меня задуматься о моих необычайных способностях. Возможно, что два незнакомца, сидевших у стойки бара, обладали такими же талантами? Затем мои мысли снова вернулись к молодой женщине. Закрыв глаза, я попытался восстановить в памяти картину того, как машина «скорой помощи» увезла ее с места происшествия. «Госпиталь Святого Милосердия» – было начертано на борту фургона. С помощью персонального компьютера мне в считанные секунды удалось установить адрес больницы. Я встал из-за стола и вышел из кабинета.

Освещение в комнате автоматически отключилось, едва я закрыл за собой входную дверь.

2

Только когда я миновал вращающиеся двери главного входа госпиталя Святого Милосердия, до меня дошло, что я не знаю имени женщины, навестить которую собрался. Стоя посредине переполненного обезумевшей толпой вестибюля, я окончательно понял всю нелепость моей попытки обратиться за помощью к кому-нибудь из присутствовавших здесь представителей медперсонала больницы. Судя по их измученному виду, забот у них и без меня хватало. Несколько минут я стоял совершенно потерянный, не представляя, что я могу еще предпринять в подобной ситуации, пока не заметил поблизости полицейского в форме. Это подало мне новую идею. Шаг за шагом я кружил по вестибюлю, расспрашивая всех попадавшихся мне представителей закона о людях, доставленных сегодня в госпиталь после взрыва в ресторане в центре Манхэттена. Чтобы не привлечь к себе излишнего внимания, я представлялся им в качестве агента страховой компании, ведавшей делами ресторана. Только один из копов, могучего сложения негр с импозантными усиками, заподозрил неладное и потребовал предъявить ему мое удостоверение. Я показал ему мой страховой полис, выглядевший достаточно внушительно, чтобы убедить не слишком внимательного человека в том, что я не лгу. Впрочем, как я и предполагал, он едва взглянул на документ. Возможно, мой респектабельный, самоуверенный вид послужил дополнительным аргументом в мою пользу.

Меньше чем через полчаса я был допущен в больничную палату на шестнадцать мест, половина из которых пустовала. Дежурная медсестра подвела меня к кровати, на которой, закрыв глаза, лежала молодая женщина. Ссадина на ее лбу была аккуратно заклеена свежим пластырем.

– У вас всего несколько минут, сэр, – предупредила меня медсестра шепотом.

Я молча кивнул.

– Мисс Промачос, – негромко позвала медсестра, склоняясь над постелью, – к вам посетитель.

Ресницы молодой женщины дрогнули. У меня появилась новая возможность заглянуть в огромные серые глаза, показавшиеся мне бездонными, как сама Вечность.

– У вас не более нескольких минут, сэр, – повторила медсестра, прежде чем вернуться к своим делам.

Звук ее легких шагов по кафельному полу замер где-то в глубине комнаты.

– Вы... вы – тот самый человек, кто спас меня в ресторане.

Сердце у меня бешено заколотилось, но на этот раз я даже не сделал попытки умерить его биение.

– С вами все в порядке? – спросил я.

– Да, и только благодаря вам. Разве что ссадина на лбу, но, по уверениям врачей, мне не придется даже делать пластическую операцию. Шрама не останется.

– Прекрасно.

На ее губах играла слабая улыбка.

– Ну, конечно, я получила еще несколько синяков, когда вы сбили меня на пол.

– Сожалею.

На этот раз она рассмеялась.

– Вам незачем извиняться. Если бы вы этого не сделали... – Смех затих, и на ее милосердном лице появилось озабоченное выражение.

Я подошел чуть поближе.

– Я очень рад, что вы не получили серьезных ранений. Я... я даже не знаю вашего имени.

– Арета, – сказала она. – Зовите меня Арета.

Ее низкий, слегка вибрирующий голос, совершенно лишенный высоких, пронзительных нот, показался мне удивительно женственным и, на мой взгляд, абсолютно соответствовал ее облику.

Она не спросила моего имени, бросила на меня холодный, внимательный взгляд, словно ожидая услышать от меня что-то. Нечто чрезвычайно важное.

Я почувствовал себя несколько неловко и, кроме того, был совершенно сбит с толку.

– Вы не знаете, кто я такая, не так ли? – спросила она.

Во рту у меня стало сухо.

– Откуда мне знать?

– Значит, вы ничего не помните?

«Что я должен помнить?» – хотелось мне спросить ее. Но вместо этого я лишь отрицательно покачал головой.

Она слегка приподнялась на постели и взяла меня за руку. Ее холодные пальцы успокаивающе поглаживали мою руку.

– Ничего страшного, – сказала она негромко. – Я помогу вам. Для этого я и нахожусь здесь.

– Помочь мне? – Мне показалось, что я схожу с ума. Что она хотела этим сказать?

– Вы помните двух мужчин, сидевших сегодня днем у стойки бара?

– Златокудрый красавчик?.. – Портрет неизвестного мгновенно предстал перед моими глазами.

– И еще второй. Темноволосый. – Лицо Ареты стало серьезным. – Вы помните его?

– Да.

– Но не помните, кто они такие?

– Как я могу вспомнить то, чего не знаю?

– Вы должны вспомнить! – Ее пальцы повелительно сжали мою руку. – Это чрезвычайно важно.

– Но я не знаю, кто они такие. Я их никогда не видел до сегодняшнего дня.

Ее голова бессильно упала на подушку.

– Вы раз уже видели их. Так же, как и я. Но сейчас вы не можете помнить об этом.

За моей спиной я услышал характерный звук шагов возвращавшейся медсестры.

– Все это очень странно, – пробормотал я. – Вы можете мне сказать, почему в ресторан бросили бомбу? Чья это работа?

– Это как раз несущественно. Я нахожусь здесь для того, чтобы помочь вам вспомнить свое предназначение. То, что произошло сегодня днем, не более чем тривиальный эпизод.

– Тривиальный? Хорошенькие дела! Четыре человека убиты!

Свистящий шепот прервал наш разговор.

– Свидание окончено, сэр. Пациентка нуждается в отдыхе.

– Но...

– Она нуждается в отдыхе!

Арета улыбнулась:

– Все в порядке. Вы можете вернуться завтра утром. Тогда я и расскажу вам обо всем.

Я пожелал ей доброй ночи и неохотно покинул палату...

Медленно пробираясь сквозь лабиринт больничных коридоров, я почти не обращал внимания на людей, сновавших вокруг меня, как муравьи в растревоженном муравейнике. Их собственные истории, утраты и боль были не менее далеки от меня, чем самые удаленные звезды.

Информация, полученная от Ареты, заставляла мой мозг работать с удвоенной силой и одновременно причиняла мне танталовы муки ввиду очевидной невозможности получить немедленный ответ на интересующие меня вопросы.

Арета знала меня! Мы встречались и раньше. Я должен вспомнить ее и двух мужчин, находившихся вместе с нами в ресторане. Но, увы, в моей памяти было так же пусто, как на потемневшем экране выключенного компьютера.

К тому времени как я спустился в вестибюль и вышел на улицу, я уже принял решение. Вместо того чтобы отправиться прямо домой, я дал водителю такси адрес моего офиса, где хранилось мое персональное досье.

Общие данные были мне хорошо известны и не представляли для меня особого интереса.

Имя – Джон Г.О'Райан. Год, место рождения...

Правда, и эти стандартные сведения порой заставляли меня чувствовать себя слегка не в своей тарелке, как будто мое имя принадлежало не мне, а совсем другому человеку.

Джон О'Райан?

Что-то в этом было не так.

Я – глава отдела маркетинговых исследований корпорации «Континентал Электронике», международной фирмы, производящей лазеры и другое высокотехнологическое оборудование. Мне тридцать шесть лет. Но, странное дело, я всегда чувствовал себя моложе...

Всегда ли?

Я попытался припомнить тот день, когда мне исполнилось тридцать лет, и испытал неприятный шок, выяснив, что он совершенно выпал из моей памяти. Зато свое тридцатитрехлетие я помнил до мельчайших подробностей. Этот вечер я провел с Адриенной, личным секретарем моего босса. Удивительный, незабываемый вечер. К сожалению, несколько недель спустя Адриенна была переведена в наш Лондонский филиал, с тех пор я, похоже, все свое время посвящал только компьютерам и моей работе.

Я попытался припомнить лицо Адриенны и снова не смог этого сделать. Мои воспоминания ограничивались темными волосами, сильным, податливым телом и блестящими серыми глазами.

То, что произошло со мной до этого дня, совершенно сгладилось в моей памяти. Я пытался сконцентрироваться на этой теме до тех пор, пока мускулы моего лица не заболели от напряжения, но все было тщетно.

Относительно всего того, что произошло ранее этой даты, в моей памяти был полный провал. Я не мог вспомнить своих родителей. У меня не сохранилось абсолютно никаких воспоминаний о моем детстве. Выяснилось даже то, что у меня нет ни друзей, ни даже просто знакомых за пределами узкого круга сотрудников моего отдела.

Я сидел весь в холодном поту.

«Кто же я такой? Почему это произошло именно со мной?»

Я проторчал в своем маленьком, оборудованном всеми атрибутами современной техники кабинете до позднего вечера, пока сумерки за окном не сменились чернильной темнотой ночи. Я сидел в полном одиночестве за полированным столом из бразильского красного дерева и тупо смотрел на экран персонального компьютера, на котором мелькали сведения о моей собственной биографии.

Имена. Даты. Названия школ и колледжей, где я учился. Ни одно из них ничего не говорило мне и не вызывало ни малейшего отклика в моей памяти.

Я поднял глаза на полированное хромированное зеркало, висевшее напротив моего стола. Джон Г.О'Райан собственной персоной смотрел на меня с противоположной стены. Незнакомец, с густыми темными волосами и ничем не примечательным лицом, единственной отличительной особенностью которого было разве что слабое сходство с чертами лиц представителей народов, населяющих Средиземноморье. Еще сравнительно молодой человек, чуть ниже шести футов ростом, с хорошо развитой фигурой, одетый в характерную униформу преуспевающего администратора: темно-синюю тройку, светлую рубашку и аккуратно завязанный темно-бордовый галстук.

Если верить сведениям, приведенным в досье, в школе я был хорошим атлетом. Да и сейчас я находился в неплохой форме, хотя явно не тянул выше среднего стандарта. Мне ничего не стоило раствориться в толпе, не привлекая к себе повышенного внимания окружающих.

«Так кто же все-таки я такой?»

Я никак не мог отделаться от неприятного ощущения, что был просто помещен в этот город, в эту жизнь три года назад неизвестной мне волей или силой, позаботившейся предварительно о том, чтобы стереть из моей памяти все воспоминания о прежней жизни.

Для меня было совершенно очевидно, что я должен наконец установить, кому или чему я обязан своим пребыванием в этом мире. Арета обладала ключом к моему прошлому, она знала о нем и хотела сообщить мне эти сведения. Мое сердце забилось быстрее, мое дыхание участилось, стало почти тяжелым. Мое возбуждение росло, и несколько минут я упивался этим ощущением. Затем усилием воли я понизил содержание адреналина в моей крови, замедлил ритм биения сердца и частоту дыхания.

Не знаю почему, но я был уверен, что брошенная граната предназначалась именно мне. Не Арете или кому-нибудь другому. Только мне.

Кто-то пытался убить меня!

Инстинктивно я чувствовал, что, пытаясь выяснить свое истинное происхождение, я подвергаю себя смертельной опасности.

Скорее всего меня ждет смерть.

Но для меня уже не существовало пути назад. Я чувствовал, что обязан выяснить все до конца. Я также понимал, что кем бы я ни был, каким бы ни было мое прошлое, оно включало в себя не только Арету, но и двух незнакомцев – златокудрого ангела и черного демона. Один из них или, может быть, оба и пытались убить меня.

3

На следующее утро после взрыва в ресторане я вошел в мой офис ровно в девять, немного позднее, чем обычно. Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы увильнуть от ответов на многочисленные вопросы моей секретарши и нескольких сотрудников, либо видевших вечерний выпуск новостей ТВ, либо успевших ознакомиться с утренними газетами с моими фотографиями на первых полосах, на которых я был запечатлен среди окровавленных тел убитых и тяжело раненных людей.

Усевшись за рабочий стол, я первым делом дал команду моему компьютеру соединить меня с госпиталем Святого Милосердия. Компьютер больницы голосом профессиональной актрисы сообщил мне, что часы для посещений – с двух до четырех днем и с шести до восьми по вечерам. Состояние мисс Промачос хорошее, но она не может подойти к телефону, так как в данный момент проходит медицинский осмотр у своего лечащего врача.

Я оставил сообщение, что буду в госпитале около двух, затем занялся текущими делами, которые успешно закончил к назначенному сроку. По неизвестной причине настроение у меня было превосходное. Я чувствовал себя так, словно черная повязка упала с моих глаз и перед моим взором внезапно открылся пейзаж удивительной красоты.

Разумеется, я отдавал себе отчет в том, что моя память по-прежнему представляет собой чистый лист бумаги и я столь же, как и раньше, далек от разрешения интересующей меня проблемы. Я понимал также, что моя жизнь, вероятнее всего, подвергается серьезной опасности. Но сегодня даже ощущение угрозы, нависшей над моей головой, представлялось мне восхитительно возбуждающим. Еще двадцать четыре часа назад я находился в состоянии эмоционального коллапса, являясь, по сути дела, живым автоматом. Я даже не догадывался о том, что большая часть моей памяти была кем-то безжалостно стерта. Я ел, пил, дышал, но ничего не чувствовал. Сейчас я ощущал себя человеком, внезапно вынырнувшим на залитую солнцем поверхность океана после долгого пребывания в его мрачных глубинах.

По мере приближения назначенного часа мое возбуждение усиливалось. Теперь я чувствовал себя почти подростком, спешащим на первое в жизни свидание. Я предпочел отказаться от ленча, поскольку был слишком разгорячен, чтобы хотеть есть.

Я оставил офис незадолго до двух и, с трудом поймав такси на оживленной улице, нетерпеливо ерзал на сиденье, пока машина медленно пробивалась сквозь плотный поток машин в направлении госпиталя Святого Милосердия.

– Мисс Промачос, – сообщила мне медсестра, сидевшая за столом у входа в палату Ареты, – покинула больницу примерно полчаса тому назад.

От удивления я едва удержался на ногах, словно человек, неожиданно получивший удар между глаз.

– Покинула больницу? – пробормотал я.

– Да. Вы мистер Райан?

Я молча кивнул головой.

– Она оставила записку для вас. – Медсестра вручила мне сложенный листок бумаги. На нем карандашом было нацарапано мое имя. Очевидно, Арета писала в большой спешке, даже в своем имени я заметил орфографические ошибки.

Я развернул листок и прочитал следующее:

«У меня нет времени. Это темноволосый...»

Ниже, уже совсем неразборчивыми каракулями, было написано еще одно слово: «Андеграунд».

Я нервно скомкал листок бумаги.

– Когда, вы сказали, она покинула госпиталь?

Медсестра, несомненно, была стреляной птицей. Выражение ее прищуренных глаз ясно говорило о том, что у нее нет ни малейшего желания оказаться замешанной в какое-нибудь сомнительное дело.

– Когда? – повторил я.

Она неохотно перевела взгляд на электронные часы, висевшие напротив ее кресла.

– Двадцать восемь минут назад, если вам необходимо знать совершенно точно, – проворчала она.

– С кем она покинула больницу?

– Я не спрашивала его имени. С меня было достаточно желания самой мисс Промачос.

– Вы можете описать его внешность?

Она все еще колебалась. На ее физиономии отчетливо читались все перипетии борьбы, происходившей в ее мозгу.

– Крупный мужчина, – произнесла она наконец. – Не такой высокий, как вы, но очень крупный. Если вы понимаете, что я имею в виду. Мощный, словно танк. Вылитый горилла из фильма о мафии, а то и еще похуже. Вид у него был... угрожающий. Способен испугать кого угодно.

– Могучего сложения, темноволосый, с густыми бровями?

– Это он. – Она утвердительно кивнула головой. – Только мне показалось, что мисс Промачос не слишком опасалась его. Я была напугана, не скрою, но она... думаю, что нет. Вела себя так, словно хорошо знала его или он был членом ее семьи.

– Семьи бывают разные...

Медсестра не имела ни малейшего представления о том, куда они направились. Против правил госпиталя было сообщать посторонним местожительство пациентов, но она дала домашний адрес Ареты после небольшого нажима с моей стороны. Похоже, темноволосый незнакомец действительно напугал ее.

Я взял другое такси и отправился по адресу, который дала мне медсестра. Арета жила в другом конце города, недалеко от Бруклинского моста. Водитель, латинос, скоро запутался в хитросплетении улочек Ист-Сайда. Я заплатил ему по счету и прошел несколько кварталов в поисках нужного дома.

Как скоро выяснилось, такого адреса просто не существовало. Информация оказалась примитивной фальшивкой. Я остановился на углу улицы, начиная чувствовать себя неловко в моем дорогом деловом костюме там, где все без исключения носили джинсы, рабочие спецовки, рубашки свободного покроя или даже шали, судя по всему еще недавно бывшие обыкновенными скатертями. Я не опасался за себя, хотя взгляды, которые я порой ловил, при всем желании трудно было назвать дружелюбными. Я сконцентрировал все свои мыслительные способности, пытаясь понять, почему Арета сообщила администрации больницы фальшивый адрес. Я не сомневался, что медсестра была искренна в разговоре со мной. Следовательно, сама Арета вполне сознательно сказала неправду.

«Андеграунд»...

Что она подразумевала под этим словом? Андеграунд? Я взглянул на свои часы. Прошел почти час с того момента, когда она покинула госпиталь. За это время они могли оказаться в любой точке огромного перенаселенного города.

– Эй, у тебя отличные часы, приятель.

Я почувствовал, как острие ножа уперлось в мою спину, а зловонное дыхание его владельца зашекетало мне ноздри.

– Мне действительно нравятся твои часы, парень, – продолжал он басом, стараясь придать голосу угрожающие нотки.

Я вовсе не хотел оказаться ограбленным среди белого дня на углу оживленной улицы. Этот болван, стоявший сейчас вплотную за моей спиной и почти воткнувший свой нож в мою

поясницу, был настолько наивен, что надеялся, что я покорно позволю обобратить себя на глазах многочисленных прохожих.

– Просто отдай мне твои часики и держи свое хлебало закрытым.

Я приподнял руки, словно собирался снять часы с запястья, и, резко повернувшись, ударил его локтем в адамово яблоко, после чего ребром ладони нанес рубящий удар по переносице грабителя. Нож выпал из его руки и звякнул о тротуар. Новый удар в солнечное сплетение выбил остатки воздуха из его груди, так что малый не мог даже закричать. Согнувшись пополам, он опустился на асфальт, закрывая руками сломанный нос. Кровь заливала его грязные лохмотья. Схватив его за волосы, я резким движением откинул его голову назад и заглянул в залитое кровью лицо.

– Убирайся отсюда, прежде чем я потеряю терпение, – предупредил я его и левой ногой отправил его игрушку в сточную канаву.

Второго приглашения не потребовалось. С перекошенным от боли и страха лицом он вскочил на ноги и исчез в ближайшей подворотне со всей быстротой, на которую был еще способен. Несколько прохожих бросили на меня косые взгляды, но никто не сказал ни слова и не сделал попытки вмешаться в инцидент. Поистине, Нью-Йорк – удивительное место.

Андеграунд?

Неожиданно прямо из-под моих ног до меня донесся стук колес поезда подземки.

«Андеграунд» – английское слово, равнозначное американскому «сабвэй» или французскому «метро». Я знал, что одна из станций была расположена прямо у главного входа госпиталя Святого Милосердия. Бросив взгляд на другую сторону улицы, я обнаружил, что вход в подземку находится прямо против меня. Я перебежал, не дожидаясь сигнала светофора, вызвав тем самым хор протестующих автомобильных гудков и проклятий взбешенных владельцев машин, скатился вниз по лестнице и оказался в грязном, пропахшем нечистотами помещении. Мне пришлось изучить несколько развешанных вдоль стены схем нью-йоркского метро, прежде чем удалось найти такую, где бы под написанными от руки непечатными словами и высказываниями можно было различить название станций. Сомнений не было: станция, где я находился, была соединена прямой линией с той, что возле госпиталя Святого Милосердия.

Андеграунд. Итак, они отправились сюда и вышли из поезда именно на этой станции. Вот что означала написанная в спешке записка Ареты.

Что же делать теперь? Куда они направились дальше? Поезд, состоящий из четырех обшарпанных вагонов, с грохотом вкатился на станцию и под лязг тормозов остановился у платформы. Как и схемы, стены вагонов были испещрены похабными рисунками и солеными выражениями. Автоматически я начал осматривать состав, отчаянно надеясь найти несколько слов, оставленных специально для меня. Тщетная попытка.

Двери вагонов с шипением распахнулись, и пассажиры высыпали на платформу. Я направился было к первому вагону, но негр в форме железнодорожного служащего остановил меня.

– Последняя остановка, мистер. Поезд идет в тупик. Следующий поезд в верхнюю часть города через пять минут. Отправление со второй платформы верхнего уровня.

Двери захлопнулись, пустой поезд отошел от платформы и скрылся за поворотом туннеля. Я прислушался, стараясь не обращать внимания на характерные звуки подземки; разговоры пассажиров, грохот рок-музыки, доносившийся из магнитофонов компании мальчишек; визгливый смех девчонок-подростков.

Поезд, скрывшийся за поворотом туннеля, остановился всего в нескольких сотнях метров от меня.

«Поезд направляется в тупик», – припомнил я слова железнодорожного служащего. Насколько мне было известно, именно в таких тупиках свободные составы находятся какое-то время, пока снова не потребуются на линии.

Я огляделся вокруг. Никто не обращал на меня ни малейшего внимания. Дойдя до конца платформы, я легко перепрыгнул через ограждение, закрывавшее доступ к железнодорожному пути, и спустился по ступенькам, ведущим в туннель. Грязь, накопившаяся здесь за долгие годы эксплуатации, могла поразить воображение самого бывалого человека. Полотно туннеля напоминало канализационную трубу, по которой, по прихоти строителя, зачем-то проложили рельсы. Я обратил внимание, что третий рельс, по которому передавалась электроэнергия, позволяющая вести составы, обшит деревянными досками. К этому времени мои ботинки уже успели промокнуть от смрадной грязи, покрывавшей полотно туннеля, и, махнув рукой на осторожность, я взобрался на него в твердой решимости довести до конца свое рискованное предприятие.

В отдалении послышался звук приближавшегося поезда. В стенках туннеля имелись многочисленные ниши, позволявшие человеку укрыться в них как раз в случае возникновения подобной ситуации. И когда состав приблизился на опасное расстояние, я забился в одну из них, прижавшись спиной к грязной стене. Ощущение было не из приятных, но все обошлось благополучно. И все же это оказалось отнюдь не легким испытанием для моих нервов. Мне потребовалось по меньшей мере несколько минут, чтобы как следует отдышаться после того, как грохочущие вагоны пронеслись всего в нескольких дюймах от моего лица.

Взяв себя в руки, я покинул свое убежище и двинулся дальше вслед за удаляющимся поездом. В тупике уже находилось около дюжины или более таких составов, неподвижно стоявших рядом друг с другом. Редкие фонари над моей головой располагались слишком далеко один от другого, и их света явно не хватало, чтобы разогнать мрачную тьму, царившую в туннеле.

«Они должны быть где-то рядом, – пытался убедить я самого себя. – Больше им просто некуда деться».

Я остановился и, задержав дыхание, прислушался. От одних глаз при таком освещении было мало проку. Станный скребущийся звук донесся из темноты. Стая небольших животных пронеслась мимо меня. Одно из них задело мою ногу, едва не заставив меня потерять равновесие. Крысы. Десятки, а может быть, сотни отвратительных красных глаз смотрели на меня со всех сторон.

Затем я услышал голоса. Я не мог разобрать отдельных слов, но несомненно разговаривали мужчина и женщина.

Я начал красться в том направлении, откуда доносились голоса, стараясь двигаться по возможности бесшумно.

– Что вы сказали ему? – рявкнул мужчина.

Этот грубый, омерзительный и угрожающий голос мог принадлежать только безобразному темноволосому демону, которого накануне я видел мельком в зале ресторана.

– Ничего.

Без сомнений, обладательницей женского голоса была Арета.

– Я хочу знать в точности, что вы успели рассказать ему? – настаивал демон.

– Я не сказала ему ничего!

За этими словами последовал странный шум, мгновенно заглушенный криком боли испуганной девушки.

– Скажи мне!

Забыв об осторожности, я помчался вдоль деревянного короба, думая только о том, чтобы успеть вовремя.

Арета вновь закричала в тот самый момент, когда я, проскользнув между двумя неподвижно стоявшими составами, наконец увидел их в тусклом свете одинокого фонаря.

Они находились в самом конце туннеля. Арета полусидела-полулежала на грязном полу со связанными за спиной руками. Грязный пластырь все еще прикрывал ссадину на ее лбу. Тем-

новолосый мужчина стоял чуть поодаль, глядя сверху вниз на свою пленницу. Вокруг девушки, в ожидании своего часа, сидели крысы. Несколько дюжин крыс. Обнаженные ноги Ареты кровоточили. Ворот ее блузы был оборван, и огромных размеров крыса, омерзительная и уродливая, словно создание самого ада, уже тянулась к прекрасному, даже в этот момент, лицу молодой женщины.

Я издал яростный рев и рванулся к ней. На бегу я успел заметить, как темноволосый мужчина повернулся в мою сторону. Помню еще, что меня поразили его глаза – такие же красные и злобные, как и у окружающих его тварей. Очевидно, он также узнал меня, едва я выскочил на освещенное пространство, и в то же мгновение беззвучно растворился во мраке, словно насмехаясь над моей беспомощностью.

Голыми руками я расшвырял с десятков крыс, собравшихся вокруг Ареты, и, поймав двух из них за скользкие хвосты, разmozжил им головы о стену ближайшего вагона. Как бешеный я кидался из стороны в сторону, топтал их ногами, молотил кулаками до тех пор, пока вся стая не бросилась искать укрытия в спасительной темноте туннеля.

Вокруг меня больше никого не было.

Я бросил взгляд на неподвижно лежавшую Арету. Ее невидящие глаза были обращены в мою сторону. На горле зияла страшная рваная рана. Я опустился на колени и поднял голову красавицы из грязи, уже успевшей пропитаться ее кровью. Увы, я безнадежно опоздал.

Арета была мертва.

4

Следствием приступа бессильной ярости, пережитого мною в тот злополучный день, явилось состояние глубочайшего шока, настолько подавившего все мои эмоции, что я не чувствовал практически ничего.

Двое суток полицейских допросов, проверок на детекторе лжи, общего медицинского и специализированного психиатрического обследования я пережил, как настоящий робот: послушно отвечая на задаваемые мне вопросы и никак не реагируя на вводимые мне стимуляторы, словно трагедия, участником которой я стал, не имела ко мне ровным счетом никакого отношения.

Тем не менее в своих показаниях я ни разу не упомянул таинственного темноволосого мужчину, истинного убийцу Ареты. Крысы, перегрызшие яремную вену девушки, были лишь исполнителями его злой воли. И он воспользовался своей властью над гнусными тварями столь же эффективно, как и профессиональный киллер, который применяет в подобных случаях свой пистолет. Но я предпочел оставить свое мнение при себе. Я ограничился тем, что сообщил врачам и полицейским, что, отправившись на поиски Ареты, я нашел ее в тупике метро в тот самый момент, когда крысы со всех сторон атаковали ее. К сожалению, я появился слишком поздно. По крайней мере эта часть моих показаний была правдой.

Нечто погребенное глубоко внутри моего подсознания предостерегло меня от малейшего упоминания о роли темноволосого демона в этой истории. Инстинктивно я чувствовал, что иная линия поведения привела бы лишь к дополнительным осложнениям с полицейскими и медиками. Но было еще одно соображение, побудившее меня воздержаться от упоминания о настоящем убийце. Я хотел найти его сам и своими руками рассчитаться с ним за смерть девушки.

Короче, я утаил все основные факты. Впрочем, и полицейские не были дураками. Разумеется, они понимали, что молодая девушка не станет просто так спускаться в тупик подземки, как и то, что незнакомец, случайно оказавшийся вместе с ней жертвой террористического акта накануне, не станет без крайней необходимости отправляться на ее поиски. Они ясно дали понять, что не верят мне, и предложили пройти испытание на детекторе лжи. Я равнодушно согласился. На любые их вопросы я отвечал совершенно спокойно, словно речь шла о самых банальных событиях. Показания детектора получились в точности такими, какими я хотел их видеть. С моими способностями контролировать частоту биения собственного пульса и степень потовыделения подобное испытание было для меня детской игрой.

После психиатрического обследования в Белльвю, продолжавшегося в течение целой ночи, полицейские неохотно отпустили меня.

Вернувшись домой, я позвонил своему боссу и сообщил, что уже завтра буду на работе в обычное время. Он был слегка удивлен и осведомился, как я себя чувствую после двух столь суровых испытаний, выпавших на мою долю в течение последних нескольких дней.

– Со мной все в порядке, сэр, – объяснил я.

Это было истинной правдой. Физически я был совершенно здоров, а свои эмоции держал под строгим контролем. Может быть, слишком строгим?

– А не лучше ли вам взять отпуск на неделю-другую? – поинтересовался шеф.

Черты его обычно сурового лица, которое я видел на маленьком экране моего телефонного монитора, сегодня казались необычайно мягкими.

– Нет, благодарю вас, сэр. Я чувствую себя превосходно. Буду в офисе завтра утром и надеюсь, что мое временное отсутствие не нанесло ущерба работе.

– О, мы еще в состоянии обойтись без вас некоторое время, – успокоил он меня. – Хорошо, ждем вас завтра утром.

– Благодарю вас, сэр.

Едва положив телефонную трубку, я уже перестал думать о работе. Моей главной задачей было найти убийцу Ареты. Темного дьявола. Или, еще лучше, его и златокудрого красавчика сразу. Оба они являлись неотъемлемой частью, но чего?.. Вероятно, моей собственной жизни, как следовало из намеков Ареты.

Я попытался припомнить их поведение в ресторане. Они не обменялись ни единым словом, я был уверен в этом. Насколько я помню, они даже почти не смотрели друг на друга. Но и единственный взгляд, которым они все-таки обменялись, никак нельзя было назвать дружелюбным. Они смотрели друг на друга всего какую-то долю секунды, но сколько ненависти излучали их глаза в это мгновение.

Итак, они знали, более того, ненавидели друг друга. Вероятно, если мне удастся найти одного, то не потребуется много времени, чтобы отыскать и другого.

Но как найти людей, чьих имен я даже не знаю, в городе с населением в семь с половиной миллионов человек? А что будет, если мои рассуждения окажутся ошибочными? Не схожу ли я с ума? Не был ли я сам причиной смерти Ареты, достаточно откровенно намекали полицейские, допрашивая меня? Почему я не могу припомнить ничего из того, что случилось со мной более чем три года назад? Кто я – жертва амнезии, параноик или сумасшедший, одержимый кровожадными фантазиями? Не мог ли я просто придумать этих двух людей как воплощение Света и Тьмы и поселить их образы в извилинах моего большого мозга?

Существовал только один ответ на все эти вопросы. Мне потребовалась целая ночь, чтобы найти этот простой, единственный ответ. Впрочем, я всегда спал очень мало. Час-другой сна было вполне достаточно для меня. Нередко несколько ночей подряд я спал только урывками. Мои коллеги имели обыкновение подшучивать надо мной по поводу количества материалов, которые я брал себе домой для работы по вечерам. Правда, иногда их шутки бывали довольно плоскими.

На следующее утро, обменявшись приветствиями со своими сотрудниками и игнорируя их вопросы и встревоженные взгляды, я поднялся в свой кабинет и немедленно позвонил штатному врачу нашей компании. Я попросил его порекомендовать мне хорошего психиатра. Лицо доктора на экране монитора приняло озабоченное выражение.

– Вы имеете в виду возможные последствия ваших неприятностей с полицией за последние дни? – поинтересовался он.

– Да, – подтвердил я. – Скажем так, я слегка потрясен произошедшими событиями. У меня не было основания лгать ему.

Он недоверчиво уставился на меня сквозь стекла своих очков.

– Потрясены? Вы? Невозмутимый мистер О'Райан?

На этот раз я просто не сказал ничего.

– Хм. Что же, полагаю, что переделка, подобная той, в которой вы оказались, способна потрясти кого угодно. Взрыв гранаты почти у ваших ног – дело нешуточное. Да и история с девушкой ничуть не лучше. Скверно, очень скверно.

Я продолжал молчать, невозмутимо ожидая его ответа. Он подождал несколько секунд, желая дать мне возможность высказаться более полно, но, догадавшись, что я не в настроении продолжать разговор, пробормотал что-то себе под нос и повернулся к своей картотеке.

В результате он дал мне телефон специалиста. Я позвонил этому человеку и договорился, что явлюсь к нему на прием во второй половине дня. Вначале врач попытался отсрочить мой визит, но когда я упомянул название нашей компании, имя нашего врача и объяснил, что мне необходимо всего лишь несколько минут для предварительной консультации, он неохотно согласился принять меня сегодня же.

Наша встреча была очень короткой. Я рассказал ему о провалах в памяти, и он немедленно порекомендовал мне другого врача, женщину, специализирующуюся по данной проблеме.

Посещения врачей заняли у меня несколько недель, но после встреч с несколькими специалистами я в конце концов нашел человека, который был мне нужен. В отличие от других своих коллег, он без колебаний согласился немедленно принять меня. Казалось, что он ждал моего звонка. Его телефон не был оборудован монитором, но я в таковом и не нуждался. Я и так хорошо знал, как он выглядит.

– У меня сегодня много пациентов, – объяснил он бархатым тенором, – но, если вы можете зайти ко мне в клинику около девяти вечера, я обязательно приму вас.

– Спасибо, доктор, – поблагодарил я его, – сегодня в девять я буду у вас.

В клинике никого не было, когда я добрался до места. Я открыл дверь в приемную. Она также оказалась пустой. Свет уже погасили, и комнату лишь озаряли отблески огней большого города, находившегося где-то далеко внизу. В полумраке, царившем в помещении, я сумел разглядеть старинную мебель и полки с книгами, тянувшиеся вдоль стен. Ни медсестры, ни секретаря.

Небольшой коридор вел во внутреннюю часть здания. Полоска света пробивалась из полуоткрытой двери в дальнем конце холла. Добравшись до цели, я без колебаний распахнул тяжелую дверь.

– Доктор? – Я не стал называть его по имени, написанном на табличке на двери. Я знал, что оно не было настоящим.

– О'Райан, – произнес он своим бархатым тенором, – входите, пожалуйста.

Разумеется, меня ожидал златокудрый мужчина из ресторана. Его небольшой кабинет казался еще меньше от изобилия мебели, находившейся в нем: две кушетки, массивный стол, шкафы. Это впечатление еще усиливали тяжелые шторы на окне и толстый дорогой ковер на полу. Он сидел за своим столом, выжидательно улыбаясь. Единственный свет в комнате исходил от небольшого торшера в углу, но казалось, человек за столом сам излучал золотистый свет. Широкоплечий и обаятельный, он выглядел как человек, способный не растеряться в любой ситуации. На нем была простая рубашка с открытым воротом. Ни пиджака, ни жакета. Переплетенные пальцы рук, лежавших на поверхности стола, не только не отбрасывали тени, но, казалось, сами освещали пространство вокруг себя.

– Присаживайтесь, О'Райан, – произнес он спокойно.

Я почувствовал, что мое тело сотрясает легкая дрожь. Взяв себя в руки, я уселся в кожаное кресло, стоявшее напротив стола.

– Вы сказали, что у вас проблема с памятью, – начал было он.

– Вы прекрасно знаете, какая у меня проблема, – прервал я его, – так что давайте не будем терять время.

Он поднял брови и широко улыбнулся.

– Это не ваш кабинет, – продолжал я, – имя, указанное на его двери, не принадлежит вам. Кто же вы тогда? И кто я сам?

– Очень деловой подход. Должен заметить, что вы совсем неплохо адаптировались к условиям данной цивилизации. – Он откинулся на спинку своего вращающегося стула. – Что касается моего имени, то вы можете называть меня Ормузд, хотя, как вы понимаете, в нашем случае имена не имеют особого значения.

– Ормузд?

– Да. А теперь я назову и ваше собственное имя. Ваше имя... Орион,² как и название созвездия.

² в греческой мифологии охотник-великан; по одному из вариантов мифа Орион был убит стрелой Артемиды и превращен

– Охотник?

– Очень хорошо. Вы прекрасно ориентируетесь в сложившейся ситуации. Орион Охотник. Это ваше имя, которое, кстати, расшифровывает суть вашей миссии.

– Расскажите мне обо всем подробнее.

– В этом нет никакой необходимости. Вы уже и так знаете то, что должны знать. Вся необходимая информация заложена в вашей памяти, но большая часть ее была заблокирована до последнего времени.

– Почему?

Его лицо стало серьезным.

– Есть многое, о чем я не могу вам сказать. Во всяком случае сегодня. Вы были посланы в этот мир с миссией Охотника. Ваша задача найти Аримана, Владыку Тьмы.

– Человека, который был в ресторане вместе с вами?

– Совершенно верно. Он и есть Ариман.

– Ариман. Так вот какое у него имя. Он убил Арету.

– Я знаю.

– Кем она была?

Ормузд слегка пожал плечами:

– Посланцем. Весьма незначительная личность...

– Она была важна для меня!

Выражение его бледно-золотистых глаз несколько изменилось. Сейчас он выглядел почти удивленным.

– Но вы видели ее только однажды, в ресторане...

– И в госпитале в тот же вечер, – уточнил я, – и на следующий день... – У меня невольно перехватило дыхание. – На следующий день я видел ее умирающей. Он убил ее.

– Тем больше оснований для вас найти Владыку Темных Сил, – заметил Ормузд. – Ваша задача найти и уничтожить его.

– Почему? Кто послал меня сюда? Откуда? Зачем?

Он выпрямился на своем стуле, и на его губах заиграла прежняя самоуверенная улыбка.

– Зачем? Чтобы спасти человечество от уничтожения. Кто послал вас сюда? Я. Откуда? Из будущего, отдаленного от настоящего периодом времени порядка пятидесяти тысяч лет.

Вероятно, я должен был быть потрясен, удивлен или, по меньшей мере, скептически отнестись к услышанным мною словам. Но я испытал только облегчение. Как будто все, что он сказал, было уже давно мне известно, и он лишь подтвердил мои собственные мысли. Я ограничился только тем, что пробормотал:

– Пятьдесят тысяч лет. Из будущего...

Ормузд важно кивнул головой:

– Вы родились в том времени. Я послал вас в прошлое, в так называемое двадцатое столетие.

– Спасти человечество от уничтожения?

– Да. И для этого вы должны найти Аримана. Представителя Темных Сил.

– И что я должен буду сделать, когда найду его?

На этот раз золотоволосый выглядел по-настоящему удивленным.

– Как – что? Разумеется, вы должны убить его.

Я бросил взгляд на Ормузда, но не сказал ни слова.

– Вы не верите мне?

Если бы я мог, я бы сказал правду, но это было выше моих сил, и я произнес:

– Я верю вам, но я пока еще не все понимаю. Почему я не могу вспомнить ничего из того, что вы мне рассказали? Почему...

– Временный шок, скорее всего, – снисходительно объяснил он. – Или, может быть, Ариман успел заблокировать часть вашего мозга.

– Только часть? – переспросил я.

– Откуда вам могут быть известны истинные возможности вашего мозга? Время, которое мы потратили на вашу подготовку? Вы обладаете способностью независимо использовать полушария вашего головного мозга.

– Что?

– Какой рукой вы владеете лучше всего?

На сей раз он все-таки застал меня врасплох.

– Я одинаково свободно владею обеими руками, – признался я.

– Вы можете писать обеими руками, не так ли? Или играть на гитаре...

Я кивнул.

– Вот видите, – заметил он удовлетворенно. – Вы способны одновременно работать на компьютере правой рукой, а левой, если вам вздумается, заниматься живописью.

Последнее замечание рассмешило меня.

– Пожалуй, я мог бы выступать в цирке, демонстрируя свои необычайные способности.

Он снова улыбнулся:

– Вы способны на большее, Орион. На большее.

– Расскажите мне об Аримане, – потребовал я. – Какую опасность он представляет для человечества.

– Он – воплощение дьявола, – сказал Ормузд. При этих словах его золотые глаза сверкнули столь ярко, что было трудно усомниться в его искренности. – Его цель – уничтожить человечество. Он мечтает навеки очистить Землю от людей, если только мы позволим ему сделать это.

Как ни странно, но мой мозг воспринял объяснения Ормузда без малейшего сомнения. Как будто я заново воспринял те прописные истины, которые вдалбливали в меня с детства. Отдаленное эхо полузабытых историй отозвалось в моей памяти. Но сейчас эти истории стали для меня реальностью, а не просто легендами, которые взрослые рассказывают детям.

– Если я на самом деле явился сюда из будущего, отделенного от настоящего периодом в пятьдесят тысяч лет, – медленно произнес я, как будто снова и снова обдумывая эту мысль, – то значит, человечество все еще существует в то время. Из чего в свою очередь следует, что оно не было уничтожено в двадцатом столетии.

Ормузд раздраженно фыркнул.

– Выходит, вы ничего не поняли. Линейное мышление!

– Что означает это выражение?

Он наклонился вперед и, положив покрытые золотистым заггаром руки на поверхность стола, терпеливо объяснил:

– Вы уже спасли человечество. Это уже некогда произошло на данном отрезке пространственно-временного вектора. Пятьдесят тысяч лет спустя человечество воздвигло вам памятник за ваш подвиг. Он находится в Старом Риме, недалеко от купола, закрывающего древний Ватикан.

Пришла и моя очередь улыбнуться.

– Тогда, если я уже спас человечество...

– Вы должны продолжать играть свою роль, – прервал он меня. – Вы должны найти Аримана и остановить его.

– Предположим, я откажусь?

– Вы не можете этого сделать! – взорвался он.

– Откуда вы знаете?

Сияние вокруг него начало пульсировать, словно от гнева.

– Как я уже сказал вам, это уже произошло. Вы нашли Аримана и спасли человечество. Все, что от вас требуется в настоящий момент, это сыграть ту же роль, которую в соответствии с нашими историческими данными вы и сыграли в свое время.

– Но если я все-таки откажусь?

– Это неразумно.

– Ну а если такое случится? – настаивал я.

Он засверкал как миллиард светлячков. Его лицо стало мрачным.

– Если вы не исполните своего предназначения, если вы не остановите Аримана, то нарушится сама структура времени и пространства. Она даст трещину, освободив при этом столько энергии, что уничтожит вселенную, которую мы знаем. Человечество будет уничтожено. Пространственно-временной вектор изменит свою ориентацию, возникнет иной континуум. Планета Земля попросту испарится. Существующая вселенная исчезнет, как будто ее никогда и не было.

Его объяснения показались мне достаточно убедительными.

– Ну а если я соглашусь сотрудничать с вами?

– Вы найдете Аримана. Вы спасете человечество от уничтожения. Существующий пространственно-временной континуум будет сохранен: вселенная продолжит свое развитие.

– Что произойдет после того, как я убью Аримана?

Он довольно долго колебался, прежде чем медленно произнес:

– Нет. Вы не сможете убить его. Вы остановите его и не дадите ему возможности добиться желаемого. Но... он убьет вас.

Мне следовало раньше догадаться об этом, еще в тот момент, когда он заговорил о памятнике. Я должен был стать погибшим героем. Так как когда-то уже стал им...

Неожиданно я почувствовал, что не могу всего этого вынести. Я вскочил со своего кресла и бросился на Ормузда. Моя рука прошла сквозь его мерцающее изображение.

– Дурак, – рявкнул он, прежде чем исчезнуть.

Я остался один в кабинете психиатра. Мне и раньше приходилось видеть голографические изображения, но ни одно из них не выглядело настолько реальным. Мои колени дрожали под грузом той ответственности, что Ормузд возложил на меня. Я почти упал в свое кресло, понимая, что судьба всего человечества зависит от моих действий. И единственное человеческое существо, которое я жаждал спасти, было уже мертво. Я не мог смириться с этой мыслью. Мой мозг отказывался принять ее.

Я обыскал кабинет в поисках голографического оборудования, с помощью которого ловкий трюкач воспроизводил собственное изображение. Я искал до утра, но так и не нашел ни лазера, ни другого оборудования подобного типа.

5

В течение многих дней я предпочитал просто не думать о событиях того вечера. Не просто было поверить столь фантастической истории, хотя в глубине души я не сомневался в ее правдивости. Я просто пытался оттянуть неизбежное.

Но одновременно где-то внутри росло и крепло намерение найти демона Тьмы, человека, убившего Арету. Моя совесть требовала уничтожить его. И совсем не ради предотвращения космической трагедии, о которой столь красноречиво поведал мне Ормузд. Я мечтал сомкнуть свои пальцы на горле Аримана во имя самого простого, очень человеческого понятия: справедливости. И из мести за утраченную любовь.

В конце концов, все те же воспоминания помогли мне напасть на его след. Я наконец сообразил, почему имена, использованные златокудрым мужчиной, показались мне знакомыми. Ормузд – бог Света и Истины; Ариман – бог Тьмы и Смерти. Оба они фигурировали в одной из древних религий Персидского царства, так называемого зороастризма, основанной одним древним греком или персом по имени Заратустра.³

По-видимому, мой златокудрый приятель считал себя одной из ипостасей бога Света и Доброты. Возможно, он на самом деле путешествовал во времени, если только говорил мне правду. Был ли он на самом деле тем самым Ормуздом, который явился Зороастру много тысяч лет назад в Персии? Боролся ли он уже тогда со своим извечным соперником Ариманом? Впрочем, конечно боролся. Тогда и сейчас, в прошлом и будущем. Постепенно путь Времени становился все более ясным для меня.

Я много размышлял о событиях последних дней, смутно надеясь, что сама судьба или мой мозг даст мне ключ, указывающий, что я должен делать дальше. Собственно, так оно и произошло. В нужный момент память вернулась ко мне, и я понял, почему меня отправили в это время, почему я должен был работать именно в корпорации «Континентал Электронике» и заниматься тем делом, которому я посвятил последние несколько лет...

Я закрыл глаза и постарался припомнить удлиненное серьезное лицо Тома Демпси, имевшее удивительное сходство с мордой гончей собаки. Насколько я помнил, то событие произошло накануне Рождества прошлого года, во время праздничного приема в здании фирмы. Том слегка перебрал и поэтому был необычно откровенен.

– Солнечные лазеры, старина! Самые мощные, самые прекрасные лазеры в мире. Наиболее важное оборудование, которое производит наша фирма...

Итак, лазеры. Лазеры для термоядерного реактора. Лазеры, способные управлять рукотворным солнцем, создание которого в свою очередь могло на вечные времена решить для человечества вопрос об источнике энергии. Бог Света стал реальной фигурой в мире науки и технологии. Это была идеальная мишень для Темных Сил, решивших нанести упреждающий удар.

Мне потребовалась по крайней мере неделя, чтобы убедить руководство фирмы в необходимости разработки нового прогноза относительно нашего последнего проекта, которым занимался Демпси. «Континентал Электронике» производила лазеры для первого в мире КТР (контролируемого термоядерного реактора). В конце концов я оказался на борту реактивного самолета компании, державшего курс на Энн Эрбор, где находились термоядерный реактор и обеспечивавшая его силовая станция. Том Демпси сидел рядом со мной, любуясь тяжелыми зимними облаками, формировавшимися вдоль береговой линии озера Эри, находившегося

³ Заратустра (Заратуштра (иран.); Зороастр (греч.); между X и I-й пол. VI в. до н. э.) – пророк и реформатор древнеиранской религии, получившей название "зороастризм"; составил древнейшую часть "Авесты"

примерно в тридцати тысячах футов ниже нас. Заметив мой взгляд, он радостно улыбнулся мне.

– Насколько я знаю, вы в первый раз проявили настоящий интерес к проекту термоядерного реактора. Раньше мне казалось, что вы абсолютно равнодушны к нашей работе.

– Вы убедили меня в ее важности, – ответил я, несколько не кривя душой.

– Это чертовски важно, – объявил он, машинально поигрывая пряжкой предохранительного ремня. Том всегда был необыкновенно аккуратным и собранным человеком, но, усевшись на любимого конька, нередко вел себя как шестилетний мальчишка.

– Ваш реактор готов для первого испытания? – осведомился я.

Он с энтузиазмом несколько раз кивнул.

– Само собой, у нас, конечно, были трудности, но, слава Богу, сегодня все позади. Берем дейтерий, который получаем из обыкновенной воды, активизируем его с помощью наших лазеров и получаем энергию. Представляете? Мегаватты энергии из кувшина воды больше, чем из всех нефтяных скважин Ирана.

Разумеется, он, как всегда, преувеличивал, но в принципе был прав. Я невольно улыбнулся при упоминании об Иране, современном названии древней Персии.

Перелет прошел без происшествий. Автомобиль компании ожидал нас в аэропорту. Когда мы подъехали к зданию, где размещалась лаборатория, я был невольно поражен его более чем скромными размерами, хотя Демпси и раньше говорил мне, что КТР можно установить даже в подвале небольшого частного дома.

– ...Отпадает необходимость в электрической или каких-либо других видах энергии, – продолжал Том. – Наберете на кухне воды, выделите из нее дейтерий и за пять минут получите столько энергии, что ее хватит вам на целый год...

Надо отдать ему должное, он действительно любил свою профессию. В ней заключался для него весь мир. И этот мир казался ему прекрасным.

В ту же секунду я увидел группу пикетчиков, маршировавших вдоль ограды из колючей проволоки, огораживающей территорию лаборатории. Большинство из них были студенты, хотя попадались и пожилые мужчины и даже женщины, своим внешним видом напоминавшие обычных домохозяек. Они несли плакаты, напечатанные типографским способом.

«МЫ НЕ ХОТИМ ИМЕТЬ ВОДОРОДНУЮ БОМБУ НА СВОЕМ ЗАДНЕМ ДВОРЕ!»

«ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ – ДА! МАШИНАМ – НЕТ!»

«ЗАПРЕТИТЬ ТЕРМОЯДЕРНЫЕ РЕАКТОРЫ!»

«РАДИАЦИЯ – ПРИЧИНА РАКА!»

Наш автомобиль остановился перед воротами лаборатории.

– Охрана не хочет открывать ворота, – угрюмо пояснил водитель компании. – Они опасаются, что демонстранты могут ворваться на территорию лаборатории.

Пикетчиков было всего несколько дюжин, но, когда они окружили наш автомобиль, нам показалось, что их гораздо больше. Нам в лицо полетели обвинения и проклятия.

– Убирайтесь туда, откуда пришли!

– Прекратите отравлять нас!

Затем все начали хором скандировать:

– Человечеству – да! Машинам – нет! Запретить термоядерные реакторы!

Войдя в раж, они принялись раскачивать наш автомобиль, продолжая осыпать нас бранными словами.

– Где же полиция? – спросил я у водителя.

Он усмехнулся и пожал плечами.

– Но они же ничего не понимают, – возмутился Демпси, оскорбленный в лучших чувствах. – Радиация от нашего термоядерного реактора никому не может нанести вреда. Ее просто не существует.

И прежде чем я успел остановить его, он распахнул дверцу автомобиля и мгновенно оказался посреди разъяренной толпы.

– Наш реактор совершенно безопасен, – попытался объяснить он демонстрантам. – Главный побочный продукт термоядерной реакции – обычный гелий. Вы можете без всякого риска дать его вашим ребятишкам, чтобы они наполняли им воздушные шарик.

Никто и не подумал вслушаться в его слова. Объяснения Тома потонули в хоре возмущенных голосов. Два юнца, достаточно здоровых, чтобы претендовать на место в университетской футбольной команде, прижали его к дверце автомобиля. Я поспешил к нему на помощь. Наш водитель последовал моему примеру, распахнув дверцу с такой силой, что, в свою очередь, навлек на свою голову град проклятий возбужденных демонстрантов. Кто-то из студентов попытался ударить меня кулаком в лицо. Я автоматически блокировал удар и отбросил озверевшего юнца от себя. Краем глаза я заметил, как одна из почтенных домохозяек с размаху опустила свой плакат на голову Демпси. Он покачнулся, и в тот же момент один из футболистов нанес ему удар в солнечное сплетение. Том сполз на землю лицом вниз. Шофер, попытавшийся вырвать плакат из рук женщины, был немедленно окружен несколькими студентами, которые принялись избивать его.

Необходимо преподнести урок этим ублюдкам!

Я обежал вокруг автомобиля и нырнул в толпу, разбрасывая во все стороны парней, оказавшихся у меня на дороге, пока не добрался до Демпси, продолжавшего лежать рядом с поверженным водителем. По пути я, в свою очередь, успел получить удар по голове, но прежде чем нападавший успел отдернуть руку, я перехватил его запястье и, подтянув к себе, швырнул в сторону набегавших на меня студентов.

Все закончилось так же неожиданно, как и началось. Внезапно толпа подалась назад, и через несколько минут вокруг нас никого уже не было, кроме двух-трех парней, которым в драке повезло меньше других. Повсюду валялись плакаты демонстрантов, брошенные ими при поспешном отступлении.

Охрана лаборатории наконец решила открыть ворота и поспешила нам на помощь. Вдали раздавался вой сирен полицейских машин, по обыкновению слишком поздно появившихся на месте происшествия.

Нас отвели в лазарет, где мы встретили шефа службы безопасности по имени Мэнгино, поспешившего принести нам свои извинения за проявленную медлительность. У него были узкие хитроватые глаза и кожа цвета сигарного табака.

– Ничего не могу понять, – оправдывался он. – До сих пор у нас не случалось никаких конфликтов с местными жителями. Вдруг сегодня откуда ни возьмись появилась эта банда сумасшедших и начала дефилировать со своими плакатами перед нашими воротами.

Я готов был ему поверить. Первая весточка от Аримана. Но я предпочел оставить свое мнение при себе.

– Наши люди, занимающиеся связями с общественностью, годами объясняли всем и каждому, – продолжал Мэнгино, – что этот реактор не имеет ничего общего со старыми моделями, работавшими на уране. Радиация не может проникнуть сквозь защитную оболочку. Эта штука абсолютно безопасна.

Демпси, сидевший на лабораторном столе, пока доктор и хорошенькая медсестра хлопотали над его головой, наконец подал голос:

– Черт его знает, как объясняться с этими людьми. Они просто не желают ничего слушать.

– Вы ошибаетесь, – поправил я его. – Они слушают, но не вас. Кто-то хорошо поработал над ними.

Глаза Мэнгино на мгновение расширились, затем он кивнул.

– Вы правы, – согласился он.

– Пора бы вам заняться поисками таинственного агитатора, – заметил я.

– И откуда он здесь взялся? – проворчал Мэнгино. – Кому это могло понадобиться? Возможно, арабам или людям из нефтяных компаний? Или действует какая-нибудь из дюжины групп чокнутых студентов.

Для меня это не имело существенного значения. Я был уверен в одном. Кем бы ни были демонстранты, за их спинами незримо присутствовала фигура Аримана.

6

Для меня не составило особого труда найти штаб-квартиру демонстрантов. Она принадлежала организации, именующей себя ВТВ, что представляло собой незамысловатую аббревиатуру популярного лозунга «Высокие технологии для всех».

Штаб ВТВ размещался в старом четырехэтажном особняке прямо напротив Университетского городка. Я припарковал арендованный мною автомобиль у главного входа в здание и в течение нескольких минут наблюдал за тем, что происходит вокруг.

Посмотреть было на что. Множество молодых людей сновали по улице, собираясь небольшими группами около магазинчиков, торговавших гамбургерами и пиццей. Когда-то на этой стороне улицы стояли респектабельные особняки преуспевающих горожан, выстроенные в величавом викторианском стиле, но по мере роста Университетского городка большинство из них переоборудовали в многоквартирные дома или офисы, а их нижние этажи превратили в небольшие магазинчики, отвечающие вкусам новых обитателей квартала.

На другой стороне улицы находился собственно Университетский городок – живописные скопления легких современных зданий, окруженных живыми изгородями и вековыми деревьями. Соответственно и движение здесь было еще более оживленным, чем в других местах, напоминая скорее центр Манхэттена, чем улочку тихого провинциального городка.

Решив, что самое лучшее в моем положении – сразу взять быка за рога, я вышел из машины и, поднявшись по деревянным ступеням, нажал на кнопку старомодного электрического звонка. Поскольку никакой реакции на мои действия не последовало, я решительно толкнул входную дверь и вошел внутрь особняка.

Если фасад здания представлял собой довольно безвкусную американскую версию викторианского стиля, то внутри его полновластно царил стиль Нового Студенческого Демократического движения.

На многочисленных плакатах, украшавших стены холла, размещались фотографии популярных общественных деятелей последнего десятилетия – от Мартина Лютера Кинга до Джейн Фонды. Между ними красовались бесчисленные лозунги на злобу дня.

«США – ВОН ИЗ БРАЗИЛИИ!»

«НЕ ДОПУСТИМ ВТОРОГО САЛЬВАДОРА!»

У стены находился стол, заваленный свежотпечатанными памфлетами. Я бегло просмотрел заголовки. Здесь имелась писанина на любой вкус: от легализации аборт до всеобщего разоружения, но я не нашел ни одной брошюры, специально посвященной лаборатории термоядерного синтеза.

Настежь открытые двери по обе стороны холла вели во внутренние помещения. Для начала я осмотрел левое крыло, но большая комната с высоким потолком оказалась совершенно пустой. Там я увидел две древних софы, три не менее обветшалых армейских койки, большой квадратный стол, на котором стоял разбитый процессор, но не обнаружил никаких следов недавней человеческой деятельности.

Я перешел на другую половину здания и сразу наткнулся на эффектную молодую леди, сидевшую у пульта ультрасовременного коммутатора. Короткие белокурые волосы привлекали внимание не меньше, чем чисто символическая мини-юбка. Миниатюрный микрофон и пара наушников дополняли ее боевое снаряжение. Не прерывая разговора, она указала мне рукой в сторону дюжины расшатанных пластиковых кресел, стоявших вдоль противоположной стены комнаты.

Я остался стоять, ожидая, когда она закончит разговор. Невольно перед моим взором предстало серьезное, печальное лицо Ареты, озаренное светом бездонных серых глаз. Усилием воли я заставил себя вернуться к реальности, сконцентрировав свое внимание на энергично

работавшей языком девице, сидевшей напротив меня. Блондинка наконец закончила разговор и повернулась в мою сторону.

– Добро пожаловать в ВТВ, – приветствовала она меня. – Что мы можем сделать для вас, мистер...

– Орион, – представился я. – Мне необходимо встретиться с руководителем вашей организации.

Ее милое юное личико слегка омрачилось.

– Вы из города? Служба противопожарной безопасности?

Я с трудом удержался, чтобы не рассмеяться.

– Нет. Я из КТР, лаборатория термоядерного синтеза.

На этот раз на ее прелестной мордашке отразилось искреннее удивление. Очевидно, она меньше всего ожидала услышать от меня подобное признание.

– Мне необходимо встретиться с вашим шефом, – повторил я.

– Доном Мэддоксом? Но он сейчас на занятиях.

– Нет, не с ним. Я хочу видеть человека, на которого он работает.

Она удивленно подняла брови:

– Но Дон и есть наш президент. Он и организовал ВТВ. Он...

– Это он организовал сегодня демонстрацию у ворот лаборатории?

– Да... – На этот раз ответ прозвучал менее уверенно.

– Я хочу знать, кто подал ему эту идею.

– Подождите минутку, мистер.

Ее пальчики запорхали по кнопкам коммутатора. Маленькая капелька пота появилась на ее верхней губе. Определенно она не была готова к такому повороту событий.

– Успокойтесь, – усмехнулся я. – Со мной у вас не возникнет никаких проблем. Меня всего лишь интересует, кто первым предложил организовать демонстрацию у ворот лаборатории? Держу пари, что не Мэддокс.

– О, вы имеете в виду мистера Дэвиса. – Ее голос зазвучал увереннее. – Да, он первым обратил наше внимание на опасные эксперименты, которые проводятся в этой лаборатории, и на лживую пропаганду, которую власти обрушивают на голову простых людей.

Спорить с ней не имело смысла. Итак, Дэвис. Я едва мог скрыть торжествующую улыбку. Стоило лишь слегка изменить произношение имени Дэвис, и получалось Даэвас – имя богов зла в старой зороастрийской религии.

– Пусть будет мистер Дэвис, – согласился я. – Именно с ним я и хотел бы встретиться.

– Зачем? Вы собираетесь арестовать его или привлечь к суду?

Право, ее наивность заслуживала восхищения.

– А вы как думаете? Неужели, если бы я собирался сделать нечто подобное, сказал бы вам об этом? Кроме того, как вы, наверное, знаете, никого из демонстрантов сегодня утром не арестовали.

Она скептически скривила губки:

– Откуда мне знать, что может задумать полиция?

– Во всяком случае, от меня ни вам, ни ему ничего не грозит. Так я могу увидеть мистера Дэвиса? Он здесь?

– Нет. – Она попыталась придать убедительность своему голосу, но это ей плохо удалось. – Я даже не знаю, когда он снова появится... он не часто заходит сюда.

– Хорошо, – сказал я, пожимая плечами. – Свяжитесь с ним и сообщите ему, что Орион хочет встретиться с ним. Срочно.

– Мистер О'Райан?

– Орион, – поправил я ее. – Просто Орион. Он знает мое имя. Я подожду в машине. Я припарковал ее у входа в здание.

Она нахмурилась:

- Но я не знаю, где его найти. Может случиться, что я его не увижу до конца недели.
- Свяжитесь с ним и назовите ему мое имя, – повторил я. – Я подожду.
- О'кей, – согласилась она.

По ее тону нетрудно было догадаться, что она думает о моей назойливости. Впрочем, ее чувства меня нисколько не трогали. Я просидел в машине почти час. День был холодным и серым, но меня мало заботили подобные мелочи. Искусственно регулируя свое кровяное давление, я легко приспосабливался к любым температурным условиям. Разумеется, я мог зайти в ближайшую забегаловку, чтобы согреться, а заодно поесть, но мне не хотелось покидать наблюдательный пост. Слишком многое было поставлено на карту. Между тем голод все сильнее давал о себе знать. Как я уже говорил, я далеко не супермен.

Наконец появилась моя блондиночка, вся дрожащая от холода, несмотря на свитер, который она предусмотрительно набросила на плечи. Заметив машину, она сбежала по ступенькам и направилась в мою сторону. Мы вместе вернулись в здание. Она все еще дрожала от холода, стиснув руки поверх маленькой девичьей груди.

– Ну и холод сегодня, – выдавила она, – а у вас нет даже пальто...

– Вам удалось связаться с Дэвисом? – прервал я ее.

– Да, – ответила она. – Он... он прошел через черный ход. Его кабинет в дальнем конце вестибюля. Он ожидает вас.

Я поблагодарил блондинку и отправился в указанном направлении. Слабо освещенная лестница вела в подвальное помещение.

«Подходящее местечко для Владыки Тьмы», – машинально подумал я, прикидывая, сколько страшных легенд породила его деятельность за несколько тысячелетий.

И действительно, в подвале было темно, как в аду. Единственный свет исходил из-за полуоткрытой двери на верхней площадке лестницы. Я сумел разглядеть массивный старинный очаг, от которого во все стороны отходили металлические трубы, словно щупальца гигантской медузы. Как и повсюду в особняке, здесь царил дух запустения и тлена. Я сделал несколько осторожных шагов в глубину подвала и в нерешительности остановился, не зная, что делать дальше.

– Сюда, – услышал я тяжелый хрипловатый шепот.

Слегка повернувшись, я наконец увидел его – тяжелый сгусток тьмы в дальнем конце подвала. Мне удалось разглядеть только силуэт крупного мужчины почти одного роста со мной, с широкой грудью и сильным мускулистым телом. Я не рассмотрел его лица, в подвале было слишком темно, но мне этого и не требовалось. Сделав несколько шагов в сторону очага, я внезапно оказался в ярко освещенной комнате, невольно зажмурил глаза и автоматически сделал шаг назад, тотчас же обнаружив за своей спиной глухую каменную кладку. Просторная комната была обставлена дорогой антикварной мебелью, густой ворсистый ковер покрывал каменный пол. Более всего удивляло то, что здесь не имелось ни окон, ни дверей, одни голые каменные стены, обшитые потемневшими дубовыми панелями.

– Присаживайтесь, Орион, – предложил он, указывая на стоящую в углу кушетку.

Я принял предложение, продолжая наблюдать за ним, пока он с трудом устраивал свое массивное тело в тяжелом кожаном кресле, словно специально созданном для него. Сильные кисти с короткими толстыми пальцами неподвижно лежали на его коленях. Но больше всего меня поразило его лицо. Теперь, когда мне удалось наконец-то как следует рассмотреть его, я уже не сомневался, что оно не могло принадлежать представителю человеческой расы. Специфические черты его лица не слишком бросались в глаза, и, возможно, в уличной толпе на него никто не обратил бы особого внимания. Но чем больше я вглядывался в него, тем сильнее чувствовал разницу между ним и людьми: его скулы были слишком широкими, нос чересчур плоским, а глаза неизменно горели красным дьявольским огнем. Ох уж эти глаза! Казалось,

из них беспрестанно изливались волны ненависти, смешанной еще с чем-то неопределенным и неясным, но, как я инстинктивно чувствовал, чуждым и враждебным всему человечеству. Впрочем, в отношении ненависти мы были равны, и думаю, на этот счет ни у него, ни у меня не оставалось ни малейших сомнений. Мне были противны даже его черные прилизанные волосы и нездоровая сероватая кожа. Что же до его мускулатуры, то ей мог бы позавидовать и профессиональный боксер. Он был одет в брюки из грубой хлопчатобумажной ткани и легкую рубашку с открытым воротом.

– Вы Ариман, – только и смог произнести я.

Его лицо осталось мрачным и неподвижным, как камень.

– Естественно, вы не помните меня, хотя нам доводилось встречаться и раньше. – Его голос подходил скорее призраку, нежели живому существу, или, в крайнем случае, умирающему на дыбе человеку.

– В самом деле?

Он несколько раз кивнул.

– Да, но мы двигаемся в различных направлениях сквозь поток времени. Вы – назад, к Войне. Я – вперед, к Концу.

– Война? Конец? Что это значит?

– Назад и вперед – всего лишь относительные понятия для путешествия по вектору. Истина заключается в том, что мы встречались прежде. В свое время вы еще посетите те места и припомните мои слова, если, конечно, к тому моменту останетесь в живых.

– Вы собираетесь уничтожить термоядерный реактор? – спросил я.

Он улыбнулся – более гнусной улыбки мне еще не доводилось видеть.

– Я собираюсь уничтожить все человечество, – поправил он меня.

– А я нахожусь здесь, чтобы помешать вам осуществить ваше намерение.

– Вы можете и преуспеть, – усмехнулся он, вложив весь свой сарказм в глагол «можете».

– Ормузд утверждает, что мне удастся... что я уже сделал это когда-то. – Я не стал упоминать о том, чем лично для меня закончилось это предприятие. Что-то удержало меня. Даже если так оно и было на самом деле. Не в моих интересах было давать ему дополнительные преимущества в нашей борьбе.

– Ормузду, безусловно, известно многое, – медленно произнес он, – но беда в том, что он никогда не говорит всей правды. Он знает, например, что если мне удастся помешать вам и на этот раз...

«На этот раз! Следовательно, мы встречались уже в прошлом или будущем!»

– ...то я не только уничтожу человечество и изменю всю структуру пространственно-временного континуума, но и сокрошу его самого.

– Вы хотите уничтожить всех нас?

Красные равнодушные глаза на секунду задержались на моем лице.

– О да. Уничтожить всех, без исключения. Но этого мало. Я хочу разрушить основы существующего мироздания. Все должно исчезнуть. Люди, планеты, звезды, галактики... абсолютно все.

Кисти его массивных рук непроизвольно сжались в кулаки. Безусловно, он верил в каждое произнесенное им слово. Он намеревался и меня заставить поверить в неизбежность печального для человечества исхода нашего противостояния.

– Но почему? Почему вы хотите...

Он остановил меня взглядом.

– Если Ормузд не сказал вам, чего ради я должен отвечать на подобный вопрос?

Я попытался проникнуть в тайный смысл его слов, но это оказалось выше моих возможностей.

– Но кое-что я могу и сказать, – продолжал Ариман. – Термоядерный реактор – новая ступень в развитии человечества. Если вам удастся заставить его работать, вы достигнете звезд уже при жизни поколения. Я не позволю вам добиться этого.

– И как же вы собираетесь нам помешать?

Он наклонился ко мне так близко, что я смог ощутить запах праха и смерти, исходивший от него.

– Термоядерный реактор, или КТР, как вы его называете, является ключом к будущему человечества. При удаче вы получите неисчерпаемую энергию, богатство и благополучие для всех! У вас отпадет необходимость играть со своими нелепыми ракетами, работающими на химическом топливе, и вы начнете строить настоящие звездные корабли. В считанные годы они помогут вам покорить Галактику.

– Это уже произошло, – напомнил я ему.

– Да, вы правы. Но если я оборву связь времен сегодня, в этой точке темпорального вектора, если я смогу уничтожить термоядерный реактор...

Он замолчал и снова улыбнулся, отчего у меня по коже побежали мурашки. Я попытался взять себя в руки.

– Неудача испытаний КТР не может уничтожить человечество, – возразил я.

– Все возможно, если правильно учесть свойства человеческой природы. Если термоядерный реактор взорвется...

– Но он не может взорваться, – огрызнулся я.

– Конечно нет. Во всяком случае при нормальных условиях. Но в моем распоряжении имеются разные средства. Я могу, например, вызвать ударную волну энергии лазеров или использовать детонацию литиевой оболочки, воспламеняющей камеры реактора. Вместо микрограмма дейтерия взорвется четверть тонны лития.

– Это невозможно...

– ...Вместо крошечной, находящейся под контролем человека звездочки я сотворю искусственную, сверхновую, литиевую бомбу. Взрыв полностью уничтожит Энн Эрбор. Радиоактивные осадки убьют еще несколько миллионов человек от Детройта до Нью-Йорка.

Я невольно отшатнулся, представив себе эту картину.

– Даже если ваши лидеры окажутся достаточно разумны, чтобы понять – катастрофа не является следствием ракетного удара вашего потенциального противника, неизбежная волна возмущения заставит правительство навсегда отказаться от дальнейших экспериментов с термоядерной энергией. Прежние марши протеста, приведшие к закрытию атомных электростанций, работавших на обогащенном уране, покажутся детской игрой по сравнению с тем, что произойдет после этой катастрофы. Исследования в области ядерной физики будут повсеместно запрещены. Вы никогда больше не постройте термоядерного реактора. Никогда!

– Но даже в этом случае человечество не погибнет.

– Вы так думаете? В моем распоряжении сколько угодно времени. У меня нет необходимости спешить. Год от года насущные нужды растущего населения Земли будут требовать все большего количества энергии. Борьба за обладание запасами нефти, угля, продуктов питания станет еще более острой. Новая мировая война неизбежна. А чем может закончиться термоядерная война, вам должно быть известно не хуже, чем мне.

– Армагеддон, – прошептал я.

Он удовлетворенно наклонил свою массивную голову.

– К тому времени, когда вы могли бы достигнуть звезд, вы уже уничтожите друг друга в ядерной войне. Жизнь на планете исчезнет. Существующая структура пространства-времени будет разорвана, общий континуум безвозвратно разрушен и нынешняя вселенная попросту исчезнет. Наступит Армагеддон, как вы изволили выразиться.

Как мне хотелось остановить его, заставить замолчать, убить, как он убил Арету. Бросившись на Аримана, я попытался схватить его за горло. Он был из плоти и крови, ничего общего с голограммой, и необычайно силен. Он легко отбросил меня в сторону, словно ребенка. Возвышаясь надо мной, словно темная сила Рока, он произнес хрипловатым шепотом:

– Что бы Ормузд ни сказал вам, на сей раз я добьюсь своего. Вы умрете, Орион. Здесь, прямо на месте. Вы будете заточены в этой камере до тех пор, пока я не уничтожу термоядерный реактор.

– Но почему? – спросил я, принимая сидячее положение. – Почему вы хотите уничтожить человечество?

Он постоял несколько секунд молча, сверля меня пылающими глазами.

– Вы на самом деле не знаете, правда? Значит, он не сказал вам и этого... или, точнее, стер воспоминание из вашей памяти.

– Я действительно ничего не знаю, – подтвердил я. – Так почему же вы столь ненавидите людей?

– Потому, что вы уничтожили мой народ, – ответил Ариман глухим голосом. – Несколько тысяч лет назад. Вы уничтожили всех без исключения. Я единственный представитель своего племени, оставшийся в живых, но я отомщу за своих собратьев, уничтожив людей и их хозяев.

Силы окончательно покинули меня. Я с трудом вскарабкался на кушетку и остался сидеть, не имея возможности не только возразить ему, но даже шевельнуться.

– А теперь прощайте, – продолжал Ариман. – Мне предстоит еще немало работы до начала испытаний термоядерного реактора. Вы останетесь здесь... – Он обвел комнату рукой. – Как видите, здесь нет ни дверей, ни окон, ни потайных ходов.

«Интересно, как же в таком случае мы попали сюда», – подумал я.

– Если мне повезет, я закончу это дело в течение нескольких часов, и тогда время нарушит свой бег и вселенная обрушится под его тяжестью. Если же счастье изменит мне... – густая улыбка искривила его губы, – вы все одно никогда не узнаете. Эта камера станет вашей гробницей. Или, вернее, крематорием.

– Где мы находимся? – поинтересовался я.

– В тридцати милях ниже поверхности земли, во временном убежище, сотворенном энергией атома. И та же энергия, которая служит мне защитой, в конце концов уничтожит вас. Подумайте об этом перед смертью. Кстати, вы находитесь всего в нескольких шагах от вашей лаборатории в Энн Эрбор. Всего несколько шагов для человека, который понимает строение мироздания.

И, круто повернувшись, он, пройдя сквозь стену, исчез. Я остался один в каменном мешке, скрытом на глубине тридцати миль от поверхности земли.

7

Минут пять я неподвижно просидел на кушетке, совершенно не чувствуя своего тела. В голове у меня был полный хаос.

«Вы уничтожили мой народ... Я отомщу за своих собратьев, уничтожив людей и их хозяев...»

Неужели это могло быть правдой? Что подразумевал Ариман, утверждая, что мы с ним двигаемся в различных направлениях сквозь поток времени? Как понимать его слова о том, что мы встречаемся уже не в первый раз? Наконец, кого он называл «нашими хозяевами»? Ормузда? Но почему тогда он употребил множественное число? Означали ли его слова, что Ормузд был представителем некоей сверхрасы из другого мира, контролирующей человечество? Подобно тому, как и сам Ариман был последним представителем неведомого народа, с которым люди сражались много тысячелетий назад? Сколько же раз мы встречались с ним до сего времени?

Ариман упомянул, что временная точка, соответствующая первому испытанию термоядерного реактора, могла оказаться критической в истории человечества. Если мы добьемся успеха, то уже в самом ближайшем будущем люди смогут достичь звезд. Если же испытания окончатся неудачей, мы все неизбежно погибнем в братоубийственных войнах еще при жизни нашего поколения. Если это утверждение соответствует действительности, то подобные критические точки могут существовать и в прошлом. Одному Богу известно, сколько их на нашем пути. Вероятно, когда-то, во тьме давно канувших в Лету тысячелетий, и произошла та война. Война между людьми и предками Аримана. Но когда и почему? Как могли люди противостоять агрессорам из другого мира много тысячелетий назад?

Возможно, я еще долго продолжал бы размышлять на эту тему, но инстинкт самосохранения вернул меня к реальности.

– А здесь становится жарковато, – неожиданно для себя самого произнес я вслух.

С этого момента мой мозг начал функционировать в привычном режиме. Я осмотрел свою камеру. Воздух был сухим и горячим, как в сауне. В пересохшем горле першило. Капельки пота одна за другой стекали по моему лбу. Я поднялся на ноги и подошел к ближайшей стене. Она раскалилась, словно камни в парной. Самое удивительное, дубовые панели оказались всего лишь искусной имитацией дерева. Стена была каменной от пола до самого потолка. Мне следовало бы уже привыкнуть к дешевым фокусам своих противников...

«Всего лишь один шаг для человека, который понимает строение мироздания».

Лично я пока еще не понимал практически ничего. И еще меньше мог вспомнить. В голове у меня назойливо вертелась единственная мысль – Ариман собирается уничтожить человечество, превратив реактор в чудовищную литиевую бомбу. К сожалению, сам я был надежно упрятан глубоко под землей, и мне предстояло поджариться на медленном огне, словно барашку, принесенному в жертву самому дьяволу.

«Вы всего в двух шагах от своей лаборатории в Энн Эрбор», – сказал Ариман.

Говорил ли он правду? Или это была очередная злая шутка, соответствующая его представлениям о юморе?

– Всего один шаг, – пробормотал я. – Откуда же мне знать структуру мироздания? Хорошо, начнем с того, что все в мире состоит из атомов, а сами атомы состоят из еще более мелких частиц: протонов, нейтронов и электронов, являющихся носителями фантастических запасов энергии. По словам Аримана, эта комната была сооружена путем деформации и смещений атомов горных пород земной коры. Сейчас энергия возвращалась на свои естественные уровни, что, в свою очередь, неизбежно должно было превратить мою темницу в извергающий лаву вулкан. Особых сомнений на этот счет у меня не возникало. Воздух становился горячее

с каждой минутой. Еще немного, и я не смогу дышать. А спустя некоторое время меня заживо погребет расплавленная лава. И тем не менее я был всего в двух шагах от спасения – по словам того же Аримана. Говорил ли он правду? А зачем ему лгать, если он был на сто процентов уверен в том, что я погибну? На моих глазах он без труда прошел сквозь глухую каменную стену. Вероятно, он вернулся в подвал дома на Энн Эрбор. Но если он смог, то почему не могу я? Но как, черт побери? Однако я уже проделал это однажды! Сумел же я войти сюда, несмотря на отсутствие дверей! Почему я не могу сделать это еще раз? Я тут же попытался повторить эксперимент, но единственным результатом моих опытов было несколько новых синяков и ожогов, полученных при соприкосновении с массивной кирпичной кладкой. По-видимому, одного моего желания не хватало.

Думай, Орион, думай!

Я прекратил бесполезные попытки и принялся обстоятельно размышлять над ситуацией. Если я на самом деле сумел за один шаг преодолеть расстояние в тридцать миль, пройдя сквозь плотную породу, наверняка существует какое-то сообщение между моей камерой и домом у Университетского городка. Одного знания строения атома недостаточно. Надо полагать, мне следует учитывать и геометрию самого пространства, чтобы повторить подобный подвиг.

Я снова уселся на кушетку, попытался сосредоточиться и припомнил несколько журнальных статей на тему искривления пространства, сводившихся к тому, что будущие звездные корабли смогут в считанные секунды преодолевать гигантские расстояния в тысячи световых лет. В общих чертах мне была известна и теория «черных дыр», где под влиянием чудовищных гравитационных полей соотношение времени и пространства теряло привычный для людей вид. Но и этого не хватало. Необходимо было знать, как применить мои познания на практике. Разумеется, я уже проходил через стену, но так быстро и неожиданно, что не успел запомнить никаких деталей. В состоянии ли я припомнить их сейчас? Что, например, я знаю о компрессии информации? Спутники на орбите способны в течение многих месяцев аккумулировать нужные факты, а затем почти мгновенно передать их на приемную станцию на Землю. Позднее специалисты, изменяя скорость записи, расшифровывают ее. Способен ли я последовательно, микросекунда за микросекундой, восстановить в памяти свои действия и ощущения в тот момент? Я улегся на кушетку, закрыл глаза и попытался расслабиться. Дышать в камере становилось все труднее, но я старался игнорировать это обстоятельство, сконцентрировав все ресурсы своего мозга на решении жизненно важной для меня проблемы.

Итак, всего один шаг протяженностью в тридцать миль сквозь плотную горную породу. Я представил себя стоящим в темном подвале старинного дома Университетского городка. Кажется, я тогда наклонил голову, чтобы не удариться о трубу отопления, и шагнул в темноту... Что еще? Порыв холодного ветра? Да, я отчетливо помнил леденящее ощущение стужи, словно мне пришлось пройти сквозь сжиженный кислород. Что говорит об этом криология? Каким образом сверхнизкие температуры способны воздействовать на физические тела? Кажется, при температуре близкой к абсолютному нулю даже атомы замедляют свой бег. Кажется, в те несколько микросекунд невыносимого холода я действительно видел структуру атомов, на мгновение прервавших свое вечное движение. Означало ли это, что временная стабилизация кристаллической решетки атомов позволила проложить туннель в горной породе, по которому мое тело мгновенно переместилось на расстояние в тридцать миль?

Я открыл глаза. Похоже, температура в моем помещении за то время, что я размышлял, успела повыситься до предела. Сейчас здесь было жарко, как в аду. Я с трудом задержал дыхание, стараясь не обжечь легкие раскаленным воздухом, понимая, что еще немного, и мой организм не выдержит подобной температуры. Но тут я, кажется, понял, как проник сюда. Энергия атомов позволила Ариману соорудить убежище, едва не ставшее для меня склепом, и проложить пространственно-временной туннель сквозь многокилометровую толщу горных пород. Но природа не терпит долгого насилия над собой, и рано или поздно все возвращается на

круги своя. Судя по температуре в комнате, у меня осталось совсем немного времени, чтобы найти выход из ловушки, в которой я оказался благодаря собственному легкомыслию. Но как найти проклятый туннель? Я попытался сосредоточиться на этой проблеме, но без видимого успеха. Я весь покрылся потом, равным образом от страшной жары, стоявшей в комнате, и от собственных усилий найти ключ к решению стоящей передо мной задачи. Мой мозг был не в состоянии справиться с нею.

Мой мозг?.. Черт побери, но ведь я задействовал только половину моего мозга! Внезапно я припомнил: ведь Ормузд говорил мне, что в отличие от обычного человека я могу одновременно использовать оба полушария своего головного мозга. Пока же я использовал только половину возможных ресурсов. Очевидно, одна половина моего мозга могла решать проблемы, связанные лишь с взаимоотношением формы и пространства. Огромным усилием воли я заставил включиться в работу и второе полушарие.

И, кажется, вовремя! Решение проблемы лежало буквально на поверхности и зависело от правильно выбранного момента пространственного скачка. Как бы медленно ни двигались атомы, их движение никогда не прерывалось. Большую часть времени их взаимное расположение препятствовало осуществлению мгновенного перемещения в пространстве. И тем не менее каждую секунду их положение позволяло осуществить свободное перемещение, однако туннель оставался открытым всего мгновение. Мне предстояло успеть пройти через него за невообразимо малый отрезок времени или навсегда остаться в своем каменном мешке.

Я заставил себя подняться на ноги и подойти вплотную к каменной стене. От нее исходил такой жар, что впору было пироги печь... Закрыв глаза, я сосредоточил одну половину своего мозга на воспроизведении пространственного положения туннеля в толще земной коры, заставив вторую половину трудиться над вычислением момента возможного перехода. В нужный момент я сделал шаг вперед. Я ощутил жар, сравнимый разве что с температурой внутри доменной печи, а в последнее мгновение ледяной холод космического пространства...

Открыв глаза, я осознал, что стою в крошечной темноте знакомого мне подвала особняка ВТВ. Несколько минут я был занят только тем, что с упоением вдыхал холодный сырой воздух. Затем нашел черный ход и выбрался на улицу. Ночь уже успела вступить в свои права, но какое я испытал облегчение! После раскаленной темницы это было ни с чем не сравнимое ощущение. Мой автомобиль находился на том же месте, где я оставил его, с той лишь разницей, что его ветровое стекло украшали многочисленные предупреждения о штрафах за нарушение правил парковки. Собрав их и сунув в боковой карман, я уселся за руль.

Мне потребовалось всего десять минут, чтобы добраться до лаборатории. Оказавшись в пустом вестибюле, я позвонил Тому Демпси, Мэнгино и научному руководителю лаборатории. Было около полуночи, но, очевидно, мой голос звучал достаточно убедительно, поскольку никто из них и не подумал спорить. Труднее всего оказалось найти доктора Вильсона, научного руководителя проекта, но с третьей попытки мне удалось добраться и до него.

В течение получаса все они собрались в здании лаборатории. Оставшееся в моем распоряжении время я потратил на то, чтобы лично проверить местонахождение и состояние каждого из охранников объекта. Никто из них за время дежурства не заметил ничего подозрительного. С помощью специальной аппаратуры они могли держать под постоянным наблюдением территорию лаборатории и внутренних помещений здания, и согласно их мнению обстановка была самой что ни на есть нормальной.

Доктор Вильсон – худощавый англичанин с румяным лицом и взъерошенными волосами – появился первым. Подобно большинству своих соотечественников он обладал способностью сохранять свойственный его речи мягкий акцент и полнейшую невозмутимость при любых ситуациях. Пока я пытался втолковать ему, что, по моим сведениям, некий злоумышленник собирается сделать попытку взорвать термоядерный реактор, с его губ не исчезала снисходительная улыбка, недвусмысленно показывавшая его отношение к столь абсурдному пред-

положению. Демпси и шеф службы безопасности появились в вестибюле одновременно. Том казался более удивленным, чем расстроенным. Его растрепанные волосы и смятая одежда говорили о том, что мой звонок поднял его с постели. Мэнгино, напротив, был вне себя от злости.

– Нечего впадать в панику, – пренебрежительно фыркнул он, когда я объяснил ему свои опасения. Разумеется, я не рискнул упомянуть в своем рассказе ни об Ормузде, ни об Аримане, ни тем более о каменном мешке, глубоко под землей, из которого я едва унес ноги. Мне совсем не улыбалась перспектива оказаться в сумасшедшем доме. Достаточно было убедить коллег, что существует реальная опасность террористического акта.

Доктор Вильсон попытался в доступной форме объяснить мне, что термоядерный реактор просто невозможно взорвать. Я терпеливо выслушал все его объяснения. Чем пространнее он говорил, тем дольше мы могли оставаться на месте вероятного акта события в ожидании очередного шага Аримана.

– В реакторе находится слишком ничтожное количество дейтерия, чтобы даже при наличии чьей-то злой воли мог произойти взрыв, – дружелюбно пытался убедить меня Вильсон мягким голосом.

Он сидел сгорбившись на пластиковом стуле, которых в вестибюле здания имелось великое множество. Я стоял напротив у стола администратора, вместе с Мэнгино наблюдая за поведением патрульных на экранах мониторов и делая вид, что внимательно слушаю его рассуждения. Демпси, устроившийся на соседнем стуле, уже успел снова уснуть.

– Но допустим, – возразил я, – что существует способ многократно увеличить мощность лазеров...

– В таком случае они попросту перегорят в течение одной минуты, – прервал меня Вильсон. – Мы и так используем их на пределе возможности.

– ...и добавить количество дейтерия в рабочую камеру реактора.

Вильсон отрицательно покачал головой, отчего прядь волос песочного цвета упала на его высокий лоб. Отбросив ее движением руки, он кинул на меня снисходительный взгляд.

– Подобное развитие событий еще менее вероятно. Точнее, вообще невозможно. Существует специальная система безопасности, действующая автономно. Но даже если и она выйдет из строя и реакция примет необратимый характер, то по своим масштабам это событие не может идти ни в какое сравнение со взрывом водородной бомбы. Всего лишь незначительная авария, ни больше ни меньше.

– А что вы скажете о литиевой бомбе, – скептически осведомился я.

Впервые за время нашего разговора его брови тревожно дрогнули.

– Что вы имеете в виду? – переспросил он.

– Возможно ли, используя дейтерий в качестве естественного детонатора, вызвать взрыв защитной оболочки реактора?

– Нет, нет, ни в коем случае. Абсолютно исклю... – Он на секунду запнулся и после минутного колебания неуверенно произнес: – Скажем так: это весьма маловероятно. Чрезвычайно маловероятно. Разумеется, чтобы точно ответить на ваш вопрос, мне необходимо произвести дополнительные расчеты, но в любом случае...

– Двадцать четвертый, выйдите на связь. – Резкий голос Мэнгино прервал рассуждения Вильсона.

Я обернулся и бросил взгляд на шефа службы безопасности. Он недоуменно и обеспокоенно смотрел на экран монитора.

– Двадцать четвертый, черт вас возьми, отвечайте!

Он сердито покосился на меня, словно я был виновником последнего происшествия.

– Один из моих людей не отвечает на запрос. Он патрулирует территорию грузового склада.

– Грузового склада! – Вильсон невольно вскочил на ноги.

– Не волнуйтесь. – Мэнгино успокаивающе поднял правую руку. – Там повсюду установлены контрольные камеры. Я сам проверил территорию. Все выглядит совершенно нормально. Но я не могу найти патрульного. Вполне возможно, он просто ненадолго отлучился по малой нужде.

Я обошел стол и в свою очередь взглянул на экран монитора. Территория, примыкавшая к складу, была ярко освещена. Ничего подозрительного: я не заметил ни людей, ни машин. Вся обстановка выглядела достаточно мирной и будничной.

– Пожалуй, все же нам следует самим пойти и посмотреть, – нерешительно заметил я.

Мы растолкали Демпси и попросили его понаблюдать в наше отсутствие за экранами мониторов. Он, правда, еще не вполне отошел от сна, но и задание не требовало от него особого напряжения умственных способностей. Затем доктор Вильсон, Мэнгино и я торопливо направились в сторону склада. На ходу шеф СБ опустил руку в карман пиджака и, достав свой пистолет, снял его с предохранителя.

Огни ламп автоматически вспыхивали впереди нас, пока мы бежали по центральному коридору корпуса, и тут же гасли за нашими спинами.

Помещение склада ничем не отличалось от других ему подобных: те же бесчисленные стеллажи и бесчисленные ящики, аккуратно упакованные в пластик.

– Здесь без труда можно спрятать взвод солдат, – недовольно проворчал Мэнгино.

– Но все, кажется, в полном порядке, – с видимым облегчением заметил Вильсон, оглядываясь вокруг.

Я уже был готов согласиться с его мнением, когда почувствовал на своем лице слабую струю прохладного воздуха. Я бросил взгляд в сторону огромных металлических ворот ангара. Они были плотно закрыты. Или это только казалось? В одной из створок имелаась врезная дверь для прохода людей. Я неуверенно потрогал дверную ручку.

– Она закрыта, – заметил Мэнгино. – Электронный замок, абсолютно надежный, соединенный с сигнальным устройством. Если кому-нибудь придет в голову попытаться открыть его...

Ему не удалось закончить фразу, так как дверь, повинаясь нажиму моей руки, в ту же секунду бесшумно распахнулась. Склонившись над замком, я убедился, что он практически вырван из своего гнезда. Сквозь образовавшееся в металле отверстие и проникала легкая струя холодного воздуха. Я молча указал на него Мэнгино.

– Непонятно, почему не сработала система сигнализации, – недоуменно произнес шеф службы безопасности.

– Теперь это уже не имеет значения, – отозвался я. – Злоумышленник внутри лаборатории. Нам нельзя терять ни минуты.

Мы бросились к помещению, где находился термоядерный реактор. Дверь, ведущая в комнату, где размещался пульт управления лазерами, была сорвана с петель, хотя мы никого там и не обнаружили. Пока Вильсон проверял настройку пульта, Мэнгино по телефону отдавал приказание своим подчиненным.

– Всем свободным от несения караульной службы собраться у помещения реактора. Задерживать всех, кто попадется вам на глаза. В случае сопротивления стрелять без предупреждения. Немедленно связаться с полицией и отделением ФБР.

Мы миновали большие двойные двери и перешли в комнату с бетонными стенами, где находились сами лазеры. Осветительные лампы включились сразу же, едва мы переступили порог помещения.

– Эти двери всегда закрыты, – прошептал доктор Вильсон, уже не пытаясь скрыть охватившей его тревоги.

Лазеры представляли собой длинные, тонкие стеклянные трубки, снабженные разнообразными приспособлениями и водруженные на тяжелые металлические пьедесталы. Их насчи-

тивалось не менее нескольких дюжин. Стволы лазеров, занимавших все пространство обширной комнаты, были нацелены на узкую щель в бетонной, армированной сталью стене, по другую сторону которой и находился термоядерный реактор. Вся энергия мощных приборов была готова сконцентрироваться на микроскопических шариках из дейтерия, заложенных в рабочую камеру. Несколько мгновений мы нерешительно стояли посреди комнаты. Неожиданно слабый звук привлек наше внимание. В ноздри нам ударил запах озона. Стекланные трубки засветились в темноте зловещим зеленоватым светом.

– Бог мой, – прошептал Вильсон, – ему все-таки удалось включить лазеры!

8

Мэнгино и я одновременно посмотрели в дальний конец комнаты, где находился центральный пульт управления. Там в тени позади толстого защитного стекла угадывались знакомые очертания массивной фигуры Аримана.

Шеф СБ, не раздумывая, выхватил пистолет и нажал на курок. Стекло покрылось трещинами, но выдержало. Ему потребовалось выпустить всю обойму, прежде чем оно разлетелось вдребезги. Но этих нескольких секунд вполне хватило Ариману. Он исчез. Одновременно погасли и все осветительные лампы. Теперь помещение освещалось лишь устрашающим мерцанием лазеров, изливавших свою смертоносную энергию сквозь щель в бетонной стене в самое сердце термоядерного реактора. В комнате было темно, как в преисподней, до того как черти догадались развести там огонь. Насколько я мог судить, Ариману, с его дьявольской изобретательностью, удалось осуществить свое намерение, обесточив весь район и использовав освободившуюся энергию для увеличения мощности лазеров.

Перекрывая шум электрических генераторов, где-то недалеко от нас раздался топот бегущих людей и беспорядочные выстрелы.

– Мои ребята все-таки добрались до него, – прозвучал в темноте торжествующий возглас Мэнгино.

Увы, он ошибся. Очень скоро шум перестрелки стал заметно слабее, а скоро и совсем стих в отдалении. Я не сомневался, что и на этот раз Ариману удалось благополучно уйти от заслуженного возмездия.

– Я иду за ним, – прорычал шеф СБ, на бегу перезаряжая свой пистолет.

– Нам необходимо любым способом выключить лазеры, – крикнул я, обращаясь к впадшему в прострацию Вильсону, – прежде чем они саккумулируют достаточно энергии, чтобы взорвать литий.

В зеленом мерцании адского пламени глаза ученого казались неестественно большими.

– Но это невозможно. – Он безнадежно передернул плечами.

– Так придумайте что-нибудь, – обозлился я.

На этот раз он и не думал спорить. Мы перешли в центр лазерного контроля и сразу же убедились, что все оборудование предусмотрительно выведено из строя. Главная консоль была разбита, от датчиков осталось одно воспоминание, а сама металлическая панель оказалась с корнем вырвана из своего гнезда. Обрывки проводов свисали из навсегда остановившихся модулей. Казалось, здесь порезвился взбесившийся слон, спутавший центр управления с посудной лавкой. Но и сквозь остатки защитного стекла мы могли различить зловещую пульсацию лазеров, вопреки всякой логике продолжавших функционировать в максимальном режиме. От удивления у Вильсона отвисла челюсть.

– Но каким образом этот тип, кто бы он там ни был, сумел добиться подобного?..

Вой электрогенераторов, похоже, достиг предела. Свечение лазеров становилось невыносимым для глаз. Под ногами хрустело разбитое стекло. Я оттащил Вильсона от искаленной панели и, спотыкаясь в темноте коридора, поволок его по направлению к реактору.

– Существует ли способ остановить это светопреставление? – крикнул я, стараясь перекричать какофонию звуков, наполнявших помещение.

Вильсон пожал плечами.

– Количество дейтерия, находившегося в реакторе... – начал он.

– Бросьте, док. Держу пари, что оно уже превышает критическую массу.

– Тогда, – он беспомощно развел руками, – мы не можем прервать реакцию. Нам остается уповать лишь на милосердие Божие...

В призрачном зеленом свете он выглядел постаревшим и совершенно больным.

– ...Главная распределительная панель, – пробормотал он после продолжительной паузы. – Пожалуй, я смогу отключить рубильник и обесточить всю территорию лаборатории.

– Отлично, док, займитесь этим немедленно.

– Но на это потребуется время. Минут десять, в лучшем случае пять.

– Слишком много! Через пару минут здесь не останется камня на камне.

– Знаю.

– Что еще мы можем сделать? – Мне приходилось кричать во весь голос, и все равно я едва мог расслышать собственные слова.

– Ничего.

– Не может быть. Должен же существовать хоть какой-нибудь выход.

– Глушитель! – воскликнул он. – Если нам удастся поместить глушитель в камеру реактора, мы сможем блокировать энергию лазеров.

Я понял! Перекрыв доступ лучей лазеров к контейнеру с дейтерием, мы смогли бы заглушить реактор.

– Я сам займусь глушителем, – прокричал я. – А вы отправляйтесь к распределительной панели. Я обойдусь без вашей помощи.

– Но каким образом?

– Не теряйте времени.

– Вы не можете войти в камеру реактора. Радиация убьет вас меньше чем за минуту.

– Ступайте. – Я решительно подтолкнул его к выходу.

Он продолжал колебаться.

– Ради Бога... не делайте этого, – отчаянно крикнул он, когда я распахнул дверь помещения реактора.

Я игнорировал его призыв и вошел внутрь. Комната имела круглую форму и была перекрыта низким сводчатым потолком, как и все другие лабораторные помещения, сооруженные из железобетона. Сейчас она вся утопала в зеленом свете лазеров.

Реактор, расположенный в самом центре комнаты, представлял собой металлический шар футов пяти в диаметре, со всех сторон опутанный трубами охлаждения. По виду он слегка напоминал батискаф, лишенный иллюминаторов. Задача представлялась совершенно неразрешимой. Энергия лазеров поступала в реактор по толстому кварцевому светопроводу, перекрыть который без соответствующих инструментов было практически невозможно даже при наличии у меня достаточного количества времени. Но его-то у меня как раз и не было. В защитной оболочке сферы имелось только одно отверстие, закрытое массивной заслонкой. Не раздумывая о последствиях, я откинул ее в сторону.

Невероятная интенсивность света, мгновенно хлынувшего в помещение, ошеломила меня. Рукотворная звезда, ослепительно сиявшая внутри камеры, могла взорваться в любую секунду. Это было последнее, что мне довелось увидеть. Я ослеп раньше, чем отблески адского пламени коснулись моего лица. Не обращая внимания на невыносимую боль, я нащупал раскаленную крышку люка и протиснулся внутрь камеры, поместив свое тело на пути лазерного луча.

И оказался в геенне огненной. Я горел заживо, словно грешник на сковороде, но, как ни странно, мой мозг все еще продолжал работать. Картины прошлого, настоящего и будущего одна за другой всплывали в моем сознании. Я мог видеть кричащие заголовки завтрашних газет:

«ПОПЫТКА ВЗРЫВА ТЕРМОЯДЕРНОГО РЕАКТОРА ПРОВАЛИЛАСЬ»

Я представлял себе: удивленные лица агентов и экспертов ФБР, изучающих мои жалкие останки; машину «скорой помощи», увозящую в больницу доктора Вильсона, так и не сумевшего оправиться от пережитого шока; горящие ненавистью красные глаза Аримана, обдумывающего

вающего новый план мщения; величественную фигуру Ормузда на фоне черной пустоты космоса; Ормузда – победителя, хранителя мироздания; и даже себя, Ориона Охотника.

Я наконец познал свое прошлое и будущее. Я знал, кто я есть и каково мое предназначение в этом мире.

Я – Орион, Прометей, Гильгамеш⁴ и Заратустра в одном и том же лице!

Я – Феникс, умирающий в пламени и возрождающийся из собственного пепла, чтобы умереть в очередной раз.

Я сумел расстроить злоецкие планы Аримана, хотя ему самому и удалось ускользнуть от меня. Человечество получило в свои руки неисчерпаемый источник энергии. Пройдет совсем немного времени, и корабли землян отправятся к звездам. Критическая точка в истории человечества благополучно преодолена. Это стоило мне жизни, но существующая система мироздания была сохранена.

Я умер, но я и продолжал жить. Я существовал как личность, предназначение которой было преследовать Аримана, когда бы и куда бы он ни направился. Моя охота все еще продолжалась.

⁴ герои соответственно греческого и шумерского эпосов

Интерлюдия

Это место могло быть Олимпом, Валгаллой⁵ или Царством Небесным в зависимости от вкуса и конфессиональной принадлежности наблюдателя. Для художника-сюрреалиста оно оказалось бы неиссякаемым источником вдохновения, живым воплощением его фантастических видений.

Здесь не существовало видимых границ. Холодное голубое небо, кое-где покрытое легкими облаками, простиралось во все стороны бесконечного пространства. В зените, там, где его лазурь приобретала темно-синий, почти черный оттенок, блестели крошечные точки звезд, никогда не изменявших своего положения. Здесь не существовало самого понятия времени, как и тверди земной под ногами и солнца над головой. Чистый неподвижный воздух, казалось, светился сам по себе, наполняя пространство мягким золотистым сиянием.

Если бы человеку довелось когда-нибудь увидеть это место, то скорее всего оно напомнило бы ему вид, открывающийся с горной вершины, высоко вознесшейся над облаками и бурями, страстями и тревогами нашего грешного мира. Здесь царили вечная красота и покой, недоступные воображению простого смертного, рождающегося и живущего в страдании и в свой срок гаснущего, словно пламя догоревшей свечи.

Неожиданно на фоне бездонного неба появилась мерцающая точка новой звезды и стремительно понеслась вниз, на глазах увеличиваясь в размерах. Опустившись на поверхность ближайшего облачка, она приняла образ молодого мужчины в золотой мантии, красивого как бог, высокого и широкоплечего, с пышными золотыми волосами и глазами янтарного цвета.

Он уселся на гребне волнообразной поверхности облака с величием императора, взошедшего на свой трон, и глубоко задумался. Спустя какое-то время рядом с ним спустился серебряный шар меньших размеров, преобразившийся в молодую женщину с черными волосами и огромными серыми глазами. Серебристая легкая туника облекала ее стройную фигуру.

– Похоже, тебе пришлось по вкусу форма человеческого тела, – заметила она.

Мужчина высокомерно поднял брови и бросил на свою гостью неодобрительный взгляд.

– Оно помогает мне лучше понять этих существ, – произнес он серьезно, – постигнуть их мысли и чувства.

– Но при этом ты наслаждаешься ролью бога.

Мужчина снисходительно пожал плечами.

– Должна ли я называть тебя по имени, которое ты избрал для себя при общении с представителями человечества. – Она уже не скрывала своей иронии. На ее губах играла насмешливая улыбка, но ее большие серые глаза смотрели холодно и строго.

Не выдержав этого взгляда, мужчина отвернулся в сторону.

– А ты предпочитаешь подобрать мне имя по собственному вкусу, не так ли? – усмехнулся он.

– В таком случае пусть будет Ормузд, – предложила она. – Бог Света. Твои маленькие игрушки должны оценить скромность своего господина.

– А как же мне прикажешь называть тебя?

– Аня, – отвечала она немного подумав. – Мне нравится это имя. До тех пор пока мы изображаем людей, ты можешь называть меня этим именем.

– Ты слишком легко к этому относишься, – предостерег ее Ормузд.

⁵ обитель богов в эпосе древних германцев

– Ничего подобного, – возразила Аня, переходя на серьезный тон. – Я знаю, насколько это важно. Я испытала на себе их чувства и думаю, что поняла их. Чувство ужаса, боли, страха перед смертью... перед превращением... в ничто.

– Тебе не следовало отправляться туда. Я предостерегал вас против этого шага.

– Все правильно, ты предпочел возродить своего воина и бросить его против Владыки Темных Сил, одного, без друзей, без надежды, даже без воспоминаний.

– Такова участь всех людей. Они не должны понимать того, что происходит. К чему было делать для него исключение?

– В том-то и беда, что они все понимают, – возразила Аня. – Правда, на свой собственный примитивный лад. Они интуитивно догадываются о происходящей борьбе и отдают себе отчет в том, что они не более чем пешки в игре сил, намного превосходящих их своим могуществом.

Ормузд недоверчиво покачал златокудрой головой.

– Они понимают только то, что я разрешаю им понять.

– Ты ошибаешься, – настаивала она. – Обрати внимание на их ученых, их тягу к познанию сущности вселенной. Они на пороге открытия истинной природы соотношения времени и пространства.

– Ты заблуждаешься. Они до сих пор убеждены в необратимости хода времени и полагают, что причина всегда предшествует следствию.

– Приглядишься повнимательнее, о бог Света, – рассмеялась она. – Твои игрушки уже не те, какими были когда-то. Они начинают постигать тайны, еще недавно недоступные их сознанию.

– В таком случае мне следует вмешаться и изменить существующий ход вещей. Они не должны узнать слишком много. Во всяком случае не теперь.

– Нет! Только не это! Пусть они познают истину. Ты не можешь обращаться с ними как с простыми марионетками.

Он бросил на нее недоумевающий взгляд.

– Я могу обращаться с ними так, как мне угодно. В конце концов, я сотворил их. Они принадлежат мне!

– Но ты не в состоянии больше контролировать их.

– Глупости.

– Пора бы вам признать это, – стояла на своем Аня. – Они уже вышли из-под твоей власти.

– Я контролирую их!

– Ты сам вложил в них чувство любознательности, тягу к знанию.

– Это было необходимо, – вздохнул Ормузд, – но я уравновесил его чувством страха перед неизвестностью.

Глаза Ани гневно сверкнули.

– Уравновесил? Ты ошибаешься, мой благородный богоподобный творец. Ты только внес чудовищную противоречивость в их естество. Они разрываются между стремлением познать тайны бытия и страхом перед неизвестностью. Своим необдуманном поступком ты обрек их на вечные мучения, превратил их жизнь в настоящий ад!

Тот, кто называл себя Ормуздом, собрался было возразить ей, но остановился, прежде чем успел произнести хотя бы слово. Он наконец понял, что собирается сказать Аня.

Она хотя и недолго, но все же пожила среди людей и лучше его понимала их чувства и страдания. Вздохнув, он решил изменить свою тактику.

– Они наивно верят, что их боги всемогущи и всеведущи. Они порицают меня за свои болезни, свои собственные недостатки и промахи...

– Они еще верят в твоё милосердие, – добавила Аня, – и в твою любовь.

Он снова вздохнул, на этот раз тяжело и устало.

– Они понимают, что их создание было осознанным актом творения, что у человечества есть свое предназначение, – продолжала она, – но им приходится брести на ощупь во тьме, дабы узнать, каково оно. Они и рады бы служить тебе, но не знают, чего ты хочешь от них.

Ормузд гневно выпрямился во весь свой огромный рост. Исходящая от него энергия озарила облака золотистым светом.

– Они уже выполнили свое предназначение много столетий назад, – раздраженно произнес он. – Сейчас, если Охотник осуществит свою миссию...

– Тогда ты победил, – прервала она его. – Отныне мы в безопасности.

– И я смогу наконец-то избавиться от них.

– Ты не можешь уничтожить человечество!

Ормузд насмешливо поднял брови.

– Не могу? Я?

– Ты не осмелишься, – поправила сама себя Аня. – Тебе известно, что наша собственная судьба неразрывно связана с существованием человечества. Создатели и их творения – части одного континуума. Если люди будут уничтожены, мы погибнем вместе с ними.

– Неужели ты способна поверить в подобную нелепость?

– Я знаю, что говорю. И ты знаешь. Иначе чего ради ты позволил им сохранить жизнь? Ты сотворил людей, чтобы с их помощью победить Темные Силы, Они выполнили свою задачу.

– Но не полностью. Владыка Тьмы еще существует!

– Да, правда. – Она вздрогнула. – И пока он существует, мы не можем чувствовать себя в безопасности. До тех пор пока Владыке Тьмы удастся ускользнуть от тебя, вы нуждаетесь в помощи людей. Преданной тебе армии воинов. Твоих телохранителей, всегда готовых пожертвовать своей жизнью ради тебя.

– Это их долг. Я сотворил их воинами.

– Да, и справился со своей работой настолько хорошо, что они уже не могут жить без войны. А пока творец бездействует, им приходится убивать друг друга. И этому не видно конца.

Ормузд пренебрежительно пожал плечами.

– Ну и что же из этого? Их и без того слишком много, несколько миллиардов. И число их продолжает увеличиваться. Я сам вложил в них инстинкт продолжения рода. Я дал им радость, чтобы компенсировать боль.

– Ты опять заговорил о равновесии, – горько улыбнулась Аня. – Иногда я думаю, что ты на самом деле веришь, что тебе не в чем упрекнуть себя, что ты справедлив и даже добр по отношению к ним.

– Они всего лишь мое творение. Игрушки, как ты сама называешь их. Мне нет нужды быть добрым с ними.

Наступила продолжительная пауза. Глаза Ани блеснули. Было очевидно, что она лихорадочно обдумывала какую-то мысль. Желая утешить ее, Ормузд нежно коснулся ее плеча.

– Тебе не было никакой необходимости становиться одной из них, – сказал он тихо. – В мои планы никогда не входило, чтобы ты стала такой же ранимой, как и они.

– Но это уже произошло, – возразила она еле слышно. – И мне никогда не забыть того, что случилось.

– Моя дорогая...

– Они такие... беззащитные, – вздохнула она, – такие слабые. Им так легко причинить боль.

– Да, их возможности весьма ограничены. Ты знаешь это лучше меня. Такими я и задумал создать их. Я был обязан так поступить.

– И ты не чувствуешь своей ответственности по отношению к ним?

– Почему же? Конечно, чувствую.

– Ты знаешь, во что верят некоторые из них? – спросила она и, прежде чем он успел ответить, торопливо продолжала: – Некоторые из их философов полагают, что это они создали нас. Интуитивно они понимают, что и мы нуждаемся в них, что мы не сможем существовать без них.

Он пренебрежительно поморщился.

– Подумаешь, философы. Эти людишки ухитрились свалить в одну кучу истинные знания и редкостную чепуху. Тщеславные болтуны. Преподносят как высшую мудрость любую ерунду, которая приходит в их пустые головы, и еще называют это интеллигентностью.

– Но они учатся. Учатся, не щадя своих сил. Они создают музыку и пишут картины, строят машины, которые понесут их к звездам.

– Что же, тем лучше, – равнодушно согласился он. – Это делает их еще более ценными для нас.

– Но, с другой стороны, знания, которые они обрели, дали им и понимание собственной силы. Они уже обладают оружием, способным уничтожить целые народы.

– Такого никогда не случится, – резко возразил он.

– Но ты опасаясь этого?

– Нет. Я всегда могу остановить их, не дать им возможности полностью уничтожить друг друга.

– Ты сам создал их столь агрессивными. Ты создал расу бойцов, расу убийц!

– Конечно. – Кивком головы Ормузд подтвердил свое согласие с ее словами. – Агрессивность их натуры для нас ценнее всего.

– Даже если это качество заставляет их убивать друг друга?

– Даже если они уничтожат свою так называемую цивилизацию в ядерной войне. Невелика потеря. Какая-то часть из них переживет и эту катастрофу. Я присмотрю за этим. Сколько уже было таких цивилизаций! Где они теперь? Но само человечество выжило. И только это имеет значение.

– А как быть с Владыкой Тьмы? Полагаю, что если ты называешь себя Ормуздом, богом Света, то его следует назвать Ариманом, богом Тьмы.

В знак согласия Ормузд слегка наклонил голову.

– Он на самом деле располагает властью, способной уничтожить нас? – спросила она.

– По крайней мере, сам он уверен в этом. Он считает, что, если ему удастся уничтожить человечество, нам придется умереть вместе со своими творениями.

Впервые Аня выглядела испуганной.

– Это правда? Такое может произойти?

В свою очередь Ормузд в первый раз не смог сразу ответить на ее вопрос.

– Точно не знаю. Людям нравится верить в то, что они являются венцом творения, солью Земли, точкой опоры, на которой держится мир. В этом их сила и их слабость.

– Ты хочешь сказать, что, может быть, они недалеко от истины? – прошептала женщина.

– Не знаю, – рявкнул Ормузд, сжимая кулаки в бессильной ярости. – Этого не знает никто! Мы вовсе не всеведущи. Существует великое множество вещей, которые даже я не могу понять.

К его удивлению, Аня улыбнулась. Она стояла перед разгневанным богом Света, широко улыбаясь, пока в конце концов не расхохоталась.

– Следовательно, люди все-таки правы. Они больше не нуждаются в нас. Что мы дали им, кроме боли и горя?

– Я сотворил их! – прогремел Ормузд.

– Нет, нет, мой дорогой друг, вообразивший себя богом. Это они сотворили нас. Может быть, ты и слепил их из глины и вдохнул в них жизнь, но ты сделал это по их требованию. Они хотели этого, и ты, и я, и все так называемые боги и богини не более чем их слуги.

– Это безумие, – воскликнул Ормузд. – Ты сошла с ума! Я сотворил их, чтобы они служили мне.

Смех Ани наполнял воздух, словно звон серебряного колокольчика.

– И ты еще порицаешь их за непонимание причинной связи! Конечно, ты создал их. Но и они тоже создали тебя. Причина и следствие; следствие и причина. Что было вначале?

Ормузд стоял молча, опустив голову.

– Что же теперь? – спросила она и, не ожидая его ответа, добавила: – Их борьба – наша борьба. Если погибнут они, то умрем и мы. Наша обязанность помочь им. У нас нет выбора.

– Я и так помогаю им, – произнес Ормузд, принимая прежнюю величественную позу.

– Да, ты сотворил воинов, чтобы они сражались вместо тебя, пока ты сам оставался здесь, не зная ни боли, ни сомнений. Ты ограничивался тем, что управляли ими, как марионетками, отправляя их на верную смерть.

– Чего же ты хочешь от меня? Чтобы я, как и ты, отправился к ним и стал человеком?

– Да!

– Никогда!

– Я сделала это.

– Да, и умерла за них. Испытала агонию и страх. Поняла, что такое смерть.

– Да, и если понадобится, сделаю это еще раз. Столько раз, сколько потребуется.

– Зачем?

– Чтобы помочь им. Помочь нам.

– Это безумие!

– Я люблю их, Ормузд.

Он недоуменно уставился на нее.

– Но они только наши творения, наши игрушки.

– Да, но они живые. Помимо горя и боли и вечной неуверенности в завтрашнем дне они познали чувство любви, родства, радости жизни. Они ЖИВЫЕ, Ормузд. Ты их сделал лучше, чем задумал. И я хочу быть одной из них.

– Даже в том случае, если тебе снова придется умереть?

– Даже если мне придется умереть сто или тысячу раз. Жизнь стоит этого. Попробуй, и ты сам убедишься.

– Нет! – Он снова сделал шаг назад.

– Ты останешься здесь, пока все мы будем сражаться ради нашей общей окончательной победы?

– Я останусь здесь, – отрезал он.

– Кукловод, – сказала она презрительно.

– Я создатель, – возразил он гордо.

Аня рассмеялась и медленно растворилась в серебристом сиянии.

Ормузд остался один, вне времени и пространства, против собственной воли размышляя о том, как могло произойти, что люди, созданные им на маленькой планете, называемой Земля, оказались главной силой во вселенной, гарантами существования самого мироздания?

Иногда даже боги могут плакать, и Ормузд, продолжавший думать о Земле и странном нарушении причинно-следственной связи, неожиданно почувствовал себя очень старым и очень одиноким.

Часть вторая

Ассасин

9

Я открыл глаза и обнаружил, что нахожусь посреди пустынной, плоской, как стол, равнины. Почва здесь была преимущественно песчаная, с редкими участками пожухлой травы, разбросанными на значительном удалении друг от друга. Надо мной сияло совершенно безоблачное небо, хотя у самого горизонта висела грязная пелена дыма, постепенно расползаясь во все стороны. Там что-то горело. Нечто крупное, сопоставимое по размерам с небольшим городом. Лучи солнца обжигали мои голые плечи. На мне была короткая юбка и грязные сандалии; ничего больше. Как ни странно, я несколько не удивился, что еще жив, хотя отчетливо помнил, как умирал в камере термоядерного реактора. Я понимал, что не мог выжить, пройдя через такой ад. Следовательно, это началась моя другая жизнь.

Я был совершенно здоров и мог полностью контролировать свое тело, хотя мои колени невольно задрожали, когда я представил себе то, что мне пришлось пережить за несколько последних секунд, проведенных в двадцатом столетии. Двадцатое столетие! Как далеко оно сейчас от меня.

Не знаю почему, но я был абсолютно уверен, что в данный момент нахожусь в другой эпохе, где-то на заре человеческой истории. Ариман сказал мне, что я двигаюсь сквозь время в обратном направлении – от Конца к Войне. И хотя я знал, что помимо прочего он был Князем Лжи, я почему-то не сомневался в его словах.

Так где же я все-таки находился? Пустыня, простиравшаяся на многие мили вокруг меня, сама по себе не могла дать ответа на этот вопрос. Единственным же признаком человеческой деятельности оставался все тот же погребальный костер, полыхавший где-то за горизонтом. За неимением лучшего выбора я двинулся в его сторону. Безжалостное солнце жгло мне спину, хотя время едва перевалило за полдень и худшее было еще впереди. Труднее всего оказалось бороться с жаждой. Разумеется, я мог бы заставить свои железы не выделять пота, но тогда температура моего тела очень скоро поднялась бы до столь высокого уровня, что при всем моем оптимизме я не мог бы вообще сдвинуться с места. С другой стороны, обильное выделение пота, хотя и охлаждало мою кожу, могло привести к почти полному обезвоживанию организма со всеми вытекающими отсюда последствиями. Столь же бесполезен, но еще более опасен был мой коронный трюк по извлечению влаги из плазмы крови и клеток внутренних органов. В условиях пустыни подобная попытка очень немногим отличалась бы от самоубийства.

Как и всякий другой человек, оказавшийся в раскаленном пекле, я нуждался в воде, и с каждым часом эта нужда становилась все острее.

Слева от себя я заметил крупных птиц, неторопливо описывавших круги в выгоревшем от зноя небе. Стервятники! Кто-то умер или умирал совсем недалеко от меня. Человек или животное, кем бы ни был умирающий, он мог стать для меня спасительным источником влаги. Я не менее брезглив, чем любой другой человек, но у пустыни свои законы. Тот, кто гибнет от жажды, забывает о жалости ради спасения собственной жизни.

Стервятники опускались все ниже, и, чтобы лучше видеть, я забрался на небольшую скалу, выступающую из песка, горячую, как свежее испеченный хлеб. В конце концов я разглядел то, что птицы увидели раньше меня: перевернутую повозку и несколько тел, распростертых на желтом песке. Один из стервятников уже сидел на колесе телеги, рассматривая потенциальную

добычу. На моих глазах еще несколько птиц присоединились к нему; другие, более решительные, направились прямо к телам погибших.

Я подобрал с земли камень размером с кулак и швырнул его в птицу, сидевшую на колесе. Камень попал стервятнику в голову и прикончил на месте. Мне пришлось бросить еще несколько камней и убить еще пару птиц, прежде чем стая заметила мое присутствие и нехотя поднялась в воздух. Тем не менее и после этого они продолжали кружить надо мной, терпеливо ожидая своего часа. Я подошел к телам погибших людей. Во всяком случае, они умерли не от жажды.

Ближе всех ко мне лежал мужчина с многочисленными колотыми ранами, большинство из которых находилось у него на спине. Он умер совсем недавно, кровь даже не успела свернуться. По-видимому, в него было выпущено сразу несколько стрел, которые затем бережливые убийцы выдернули из его тела для повторного использования. Неподалеку валялись тела его жены и двух детей, у всех троих было перерезано горло. Женщина, вряд ли старше двадцати лет, лежала совершенно обнаженной.

Все их добро победители унесли с собой. Повозка была совершенно пуста. Исчезли и волы, тащившие ее. Их следы отчетливо просматривались на почве. Для убийц злополучной семьи вычужные животные стоили куда больше человеческой жизни. Хотя я не обнаружил в повозке и следов воды, я сразу убедился в том, что, вопреки первоначальному решению, не смогу воспользоваться кровью несчастных жертв даже ради собственного спасения.

Подняв голову, я заметил, что стервятники все еще продолжают кружить надо мной, молчаливо наблюдая. Если бы у меня были силы и лопата, я бы похоронил несчастных. Но у меня не было ни того, ни другого. Стервятники выиграли. Я повернулся спиной к месту недавней трагедии, предоставив могильщикам пустыни наслаждаться их ужасным пиршеством.

Казалось, день никогда не кончится. Жара стала совершенно невыносимой. Я шел уже много часов, но столб дыма, на мой взгляд, был ничуть не ближе, чем в тот момент, когда я впервые заметил его. Несмотря на безнадежность моего положения, ситуация, в которой я оказался, представлялась мне совершенно абсурдной, чуть ли не анекдотичной. Без сомнения, я находился здесь по воле Ормузда. По-видимому, нечто чрезвычайно важное должно произойти в этом забытом Богом месте в самое ближайшее время. Нечто такое, что могло изменить всю историю человечества. Скорее всего Ариман готовился предпринять новую попытку разорвать связь пространства и времени и уничтожить континуум. Но похоже, что мне суждено умереть от жажды прежде, чем я сумею приступить к осуществлению моей миссии.

И тут я увидел их.

Пять или шесть всадников медленно двигались по поросшей чахлым кустарником равнине, примерно в миле впереди меня. Таких низких и тощих лошадей мне еще не доводилось видеть. Под стать животным были и их хозяева, низкорослые, жилистые, в остроконечных металлических шлемах. Каждый из них имел длинное, тонкое копьё, кривую саблю и лук, притороченный к седлу.

Они заметили меня почти в тот же момент, когда я увидел их, и, развернув лошадей, с дикими криками понеслись в мою сторону. Подскакав поближе, они придержали своих коней, понимая, что полуголый, пеший и безоружный человек не имеет шансов убежать от них. Теперь, когда они оказались совсем близко от меня, я сумел лучше рассмотреть их лица – восточного типа, с высокими скулами и узкими раскосыми глазами.

«Типичные обитатели степей Центральной Азии, – подумал я. – Монголы или предки современных турок, обитавших некогда вблизи озера Байкал».

Шестерка всадников остановилась ярдах в двадцати, разглядывая меня с не меньшим любопытством, чем я сам изучал их самих. Один из них, очевидно предводитель, произнес несколько слов, обращаясь к своим товарищам, и, к своему удивлению, я обнаружил, что понимаю их язык. Ормузд позаботился обо всем.

– Он не похож на остальных.

– Может быть, он раб из другого племени, взятый в плен? – высказал предположение второй всадник.

– Никогда не видел никого похожего на него. Обрати внимание на его рост и цвет кожи... розовая, словно у новорожденного поросенка.

– Может быть, нам следует отвести его к орхону, – предложил третий всадник. – Глядишь, он вознаградит нас за столь необычного пленника.

– Ты хочешь сказать, выродка?

– Да нет, он вполне похож на человека, если не считать цвета его кожи.

– Готов поспорить, что кровь у него красная.

С этими словами один из всадников, находившийся справа от предводителя, ударил пятками по бокам своей клячи, заставляя ее перейти в галоп, и, сделав небольшой круг, помчался в мою сторону, нацелив копьё в мое сердце. Его товарищи продолжали спокойно сидеть в седлах, довольно улыбаясь в предвкушении нового развлечения. Возможно, моя кожа и правда напомнила им шкуру молодого поросенка, но из этого не следовало, что я соглашусь позволить одному из дикарей спокойно прирезать меня.

Не двигаясь, я ожидал приближения всадника, мобилизовав все силы, еще остававшиеся в моем измученном теле. Волна адреналина прокатилась по моим сосудам, мгновенно приведя мышцы в состояние боевой готовности. Я мог видеть малейшие движения наездника и его лошади, словно на киноленте, запущенной с замедленной скоростью. Широко открытые, испуганные глаза лошади, ее трепещущие ноздри, вдыхавшие незнакомый запах, острие копья, направленное в мою сторону. Полуоткрытый рот кочевника, лицо, искаженное гримасой жестокости. Когда он оказался в нескольких шагах от меня, я, словно заправский тореадор, сделал моментальный шаг в сторону и, ухватившись рукой за середину древка копья, рванул его на себя. Сила моего рывка была настолько велика, что оба, и всадник, и его лошадь, одновременно грохнулись на землю, подняв вокруг себя облако пыли. У меня в руках остался обломок копья фута в три длиной.

Когда пыль несколько рассеялась, я заметил, что лошадь успела вскочить на ноги и отбежала на несколько ярдов в сторону, волоча по земле брошенные поводья. Не принимавшие участия в поединке кочевники проводили ее взглядами и, лишь убедившись, что с ней не случилось ничего дурного, обратили внимание на своего поверженного товарища. Он пострадал куда больше своего «пони». Его левая рука, очевидно, была сломана у плеча, но тем не менее, не обращая внимания на боль, он выхватил свою кривую саблю и снова набросился на меня. Я легко парировал его удар древком копья, хотя при этом и лишился своего единственного оружия, перерубленного всего лишь в нескольких дюймах от моей кисти. Не ожидая нового выпада, я нанес своему противнику удар ногой в солнечное сплетение, заставив его согнуться пополам и опуститься на землю. Отбросив в сторону бесполезный обломок копья, я вырвал саблю из его руки и, оставив его валяться на земле, отошел в сторону.

Предводитель отряда не стал тратить лишних слов. Схватив свой лук, он натянул тетиву и выпустил стрелу мне в грудь. Ударом сабли я отбросил ее в сторону. Это едва не доконало их. Но все они были опытными воинами, и им не потребовалось много времени, чтобы прийти в себя. Убедившись, что они имеют дело с серьезным противником, всадники просто разъехались в разные стороны, взяв меня в кольцо. Как бы мастерски я ни владел саблей, мне не удалось бы парировать град стрел, направленных на меня с разных сторон.

– Подождите! – крикнул я. – Я не враг вам. Я пришел из далекой страны, чтобы повидаться с вашим ханом.

Воин, лежавший у моих ног, тем временем сумел подняться на колени, жадно ловя воздух широко открытым ртом.

– Видите, я не убил вашего товарища, хотя легко мог это сделать, – продолжал я, обращаясь непосредственно к предводителю. – Я пришел к вам с миром. Я не воин.

Предводитель, сощурив глаза, оглядел меня с ног до головы.

– Не воин? – переспросил он. – Пусть в таком случае Бог охранит нас от воинов твоего народа.

– Я пришел с миром, – повторил я.

– Ты говоришь на нашем языке, – заметил он с подозрением.

– Конечно. Я должен был изучить его, чтобы разговаривать с вашим ханом.

Его глаза превратились в маленькие щелки.

– С каким ханом? Великим ханом?

– Да.

– Этот человек – дьявол, – заметил один из воинов. – Давайте лучше убьем его. – Он поднял свой лук.

– Нет, – остановил его предводитель. – Подожди.

Я видел, что в его голове происходила жестокая борьба. Надо было решить, что делать со мной. Рядовым воинам редко приходится сталкиваться со столь сложными проблемами.

– Откуда ты пришел, чужеземец? – спросил он наконец. – Скажи нам свое имя.

– Мое имя Орион, – ответил я. – Я пришел из страны, лежащей далеко на западе.

– Твоя страна лежит за Западными горами? – спросил один из воинов.

Я кивнул головой.

– Значит, ты посол? – уточнил предводитель.

– Да, я посол своей страны, – подтвердил я в тайной надежде, что даже у этих варваров существует некое примитивное представление о дипломатической неприкосновенности.

– И ты хочешь видеть Великого хана?

– Это моя миссия.

Воин, лежавший у моих ног, наконец сумел выпрямиться во весь рост, хотя его колени продолжали дрожать от слабости. Пинок, которым я наградил его, мог свалить с ног и более крепкого человека. Несколько секунд он разглядывал меня, затем требовательно вытянул вперед правую руку. Немного поколебавшись, я вернул ему саблю. Взяв ее, он насмешливо улыбнулся мне и отвел руку для решающего удара.

Я стоял, не двигаясь, глядя ему прямо в глаза, зная, что у меня есть еще достаточно времени, чтобы в случае необходимости заблокировать его удар. К тому же я почти не сомневался, что его действия были лишь испытанием моей выдержки. Глаза кочевника изучали мое лицо в поисках малейшего признака страха. Я спокойно выдержал его взгляд. Предводитель отряда с любопытством наблюдал за этой сценой, но не делал попытки вмешаться в происходящее. Наконец воин опустил саблю.

– Он демон, а не человек, – произнес кочевник, обращаясь к своим товарищам.

Предводитель хрипло рассмеялся.

– Станный тип, что и говорить. Отведем его к орхону, пусть он сам решает, что с ним делать.

10

Мне пришлось и дальше идти пешком, но, надо отдать им должное, воины, ехавшие верхом, были настолько великодушны, что не пожалели для меня большей части своей воды. Я осушил кожаные бурдюки предводителя и двух его воинов, прежде чем день подошел к концу.

Мы находились в Персии. Почему-то я не сомневался в этом. Что же касается моих покрытых шрамами всадников, то они, судя по всему, были монголами армии Чингисхана, дикие орды которых в тринадцатом столетии потрясли цивилизованный мир от Китая до границ Польши. Я попытался задать несколько вопросов предводителю маленького отряда, но он презрительно игнорировал мои попытки. Очевидно, приняв решение доставить меня своему хану, он не хотел скомпрометировать себя общением с подозрительным чужеземцем. Он был воином, а не дипломатом. И все же я испытывал благодарность к нему, поскольку именно это решение в конечном итоге и спасло мне жизнь.

Наконец долгий день завершился. Солнце опустилось за горизонт, и минут через десять стемнело. И стало чертовски холодно. Разумеется, у меня имелись свои способы согреться, но для ночи в пустыне их одних было недостаточно, а скудность одежды не позволяла мне рассчитывать на большее. Монголы отнеслись к моему состоянию с полнейшим равнодушием, а может быть, и вовсе не заметили его. Они лениво трусили на своих маленьких лошадках следом за своим предводителем, рядом со стремянем которого я и шагал.

Еще примерно через час мы добрались до города, дым от пожарищ которого я наблюдал в течение минувшего дня. Мне никогда так и не удалось узнать его названия. Монголы не селились в завоеванных ими городах. Будучи кочевниками, они предпочитали степи, богатые травой, где могли пастись табуны их лошадей и стада домашнего скота. Во время войны, если осажденный город сдавался на милость победителей, они обычно оставляли его жителей в покое, ограничиваясь сбором налогов. Встречая сопротивление, они брали город штурмом, а его обитателей вырезали или продавали в рабство. Мужчины, как правило, безжалостно уничтожались, а их женщины и имущество доставались воинственным победителям. Не брезговали они и пытками богатых горожан, если рассчитывали найти спрятанные сокровища. Люди двадцатого столетия напрасно думают, что разрушение городов до основания – изобретение их современников. Монголы еще восемь веков назад делали это с не меньшим эффектом, сжигая деревянные постройки, разрушая каменные укрепления стенобитными машинами, а в отдельных случаях даже затопляя целые города водой из близрасположенных рек, для чего строили специальные дамбы. По сравнению с тем, что мне довелось увидеть собственными глазами, находясь рядом с этими варварами, ядерное оружие по крайней мере имеет то преимущество, что убивает мгновенно, не заставляя свои жертвы испытывать дополнительные мучения, которые порой оказывались страшнее самой смерти.

Монгольский лагерь поражал своими размерами. На обширной равнине, примыкавшей к дымящимся руинам города, полыхали тысячи походных костров завоевателей, возвышались шатры их военачальников, паслись многочисленные табуны лошадей. Постороннему человеку ничего не стоило заблудиться в этом человеческом муравейнике, но мои конвоиры ориентировались в нем безо всякого труда.

Неожиданно мы оказались на открытом пространстве, окруженном со всех сторон вооруженными до зубов людьми. Пламя костров бросало кровавые отблески на бронзовые шлемы воинов и украшенные драгоценными камнями эфесы их сабель. Здесь монголы придержали своих лошадей, а их предводитель спрыгнул на землю и, подойдя к одному из младших офицеров, обменялся с ним парой многозначительных фраз. По-видимому, результат переговоров оказался вполне удовлетворительным для него, потому что, счастливо улыбнувшись, он тут же

снова вскочил в седло и растворился в ночи вместе со своим отрядом, предоставив меня моей собственной судьбе.

Офицер караула несколько секунд недоверчиво изучал мое лицо.

– Мне сказали, что ты говоришь на нашем языке? – произнес он надменно.

Это был уже пожилой, поседевший в сражениях человек, и подобно большинству своих соотечественников по меньшей мере на голову ниже меня.

– Я понимаю ваш язык, – подтвердил я.

– Твое имя Орион? – продолжал он свой допрос. – И ты явился из-за Западных гор, чтобы выразить почтение Великому хану?

– Я был послан с миссией к Великому хану, – согласился я.

– Но у тебя нет даров для него, – недоверчиво возразил он.

– Мои дары у меня здесь, – усмехнулся я, постучав себя по лбу. – Это дары мудрости, не менее ценные, чем золото и жемчуг.

Легкая улыбка промелькнула на губах ветерана, и я понял, что имею дело с далеко не простым человеком, каким показался он мне с первого взгляда. Тем не менее его подозрительность отнюдь не уменьшилась. Очевидно, мой внешний вид не вызывал у него особого доверия. Несколько минут он продолжал молча изучать мой череп, словно собирался лично убедиться в наличии внутри его сокровищ, о которых я упомянул.

– Но ты не можешь появиться перед орхоном в таком виде, – заметил он презрительно. – Следуй за мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.